

Н.В. Ревякина, Н.И. Девятайкина

От Средневековья к «Радостному дому»

школы, ученики, учителя
итальянского Возрождения
(XIV–XV вв.)

Нина Ревякина

**От Средневековья к «Радостному
дому»: школы, ученики,
учителя итальянского
Возрождения (XIV–XV вв.)**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2020

УДК 94(450):37.014.3"13/14"
ББК 63.3(4Ита):74.03г(3)

Ревякина Н. В.

От Средневековья к «Радостному дому»: школы, ученики, учителя
итальянского Возрождения (XIV–XV вв.) / Н. В. Ревякина —
Автономная некоммерческая организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2020

ISBN 978-5-8243-2392-4

Авторы этой работы всесторонне показали, как в Италии XIV–XV вв. под влиянием серьезных изменений в экономике, социальной, политической и культурной сферах происходил постепенный переход от средневековой школы с ее устаревшими программами и методами, телесными наказаниями к школе нового типа. Важную роль в рождении новой школы сыграло гуманистическое движение и сформированная в его парадигме педагогическая программа. Наиболее полное воплощение гуманистические идеи образования и воспитания нашли в знаменитых школах Витторино да Фельтре и Гуарино да Верона. В книге подробно рассмотрены как их деятельность, так и судьба питомцев школ, проявивших себя в различных сферах: в управлении городами-государствами, культуре, преподавании, церковном служении. Работа написана на ярких материалах и источниках, мало известных русскому читателю, – трактатах гуманистов, письмах, воспоминаниях, хрониках, новеллах, договорах, сведениях налогового кадастра и других документах. В ней много живых и увлекательных историй, бытовых деталей, фигурируют знаменитые писатели, поэты, художники Возрождения – Данте, Петрарка, Боккаччо, Джотто, Саккетти, Альберти и др. Несомненно, она окажется интересной широкому кругу читателей.

УДК 94(450):37.014.3"13/14"
ББК 63.3(4Ита):74.03г(3)

ISBN 978-5-8243-2392-4

© Ревякина Н. В., 2020

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2020

Содержание

Введение	7
Глава I	17
1.1. Город-государство: взаимодействие деловой жизни, повседневности, культуры	17
Культурный взлет в Италии: Предвозрождение и культурный переворот Возрождения	18
Новые ценности: университеты	19
Престижность образования и учености	20
Грамотность в повседневной жизни города	22
Городская семья: дети и взрослые	26
Итальянские городские подростки на улице и среди взрослых	30
1.2. Школа, программы, учителя, ученики: старое и ростки нового	33
Город и его школы	34
Школьная программа образования	36
Семейно-«дошкольное» воспитание и начальное образование	39
Школа счета (абак)	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Н.В. Ревякина, Н.И. Девятайкина
От Средневековья к «Радостному
дому»: школы, ученики, учителя
итальянского Возрождения (XIV–XV вв.)

Светлой памяти Виталия Григорьевича Безрогова

Введение

Ренессансный гуманизм, итальянский город и горожане XIV–XV вв

«Италия моя». Италия, Флоренция, «Возрождение», Данте, «Божественная комедия», Микеланджело, «Давид», Леонардо да Винчи, «Джоконда» – эти прекрасные названия и имена известны каждому уже в начальной школе, а то и раньше. Одна из картин Леонардо, прекрасная и задумчиво-строгая Мадонна Литта, держащая на руках младенца Христа, стала визитной карточкой знаменитого на весь мир русского музея Эрмитажа, воспроизведена на его красивом входном билете. Но гораздо меньше известно, какой, собственно, была *школа* во времена Возрождения, как и чему учились будущие великие люди и другие дети, кто их учил, насколько было востребовано и для чего нужно образование, как велика его ценность. Доныне очень мало известно, перестроилась ли школа во времена Возрождения или оставалась традиционной, какой была уже не одно столетие, начиная с VIII в., а если перестроилась, то когда и благодаря кому и чему.

История повседневной жизни школ, учеников и учителей продолжает оставаться одной из притягательных для читателей тем. В России интерес к ней удваивается ввиду идущей ныне активной перестройки школ и вузов, которая уже не один год находится в центре внимания общества, особенно учителей и родителей. Не прекращаются обсуждения вопросов воспитания активного гражданина, путей насыщения образования в ориентации на запросы и вызовы современной жизни. Все культурные и исторические опыты прошлого в такой ситуации становятся особенно ценными.

Список злободневных вопросов и причин интереса легко можно продолжить. Наша книга содержит материал, который позволяет познакомиться с итальянской школой прошлого, узнать много нового и интересного об учителях и учениках, их повседневной жизни, культурных и семейных ориентирах, педагогических стратегиях, теориях и практиках.

Работа построена на материалах особого периода истории и культуры, который называется Возрождение, или Ренессанс. Кратко поясним, что же такое Ренессанс и что такое ренессансный гуманизм.

Ренессансный гуманизм: понятие, этапы, место педагогов. Итак, в книге пойдет речь об очень яркой эпохе в истории европейского общества, его культуры, системы образования. Знаменитый французский историк культуры XIX в. Жюль Мишле утверждал, что Возрождение дало два великих открытия: открытие мира и открытие человека. Этим мы во многом обязаны гуманистам – педагогам, интеллектуалам, которые теоретически и практически формировали нового человека и открывали ему новую картину мира.

Поясним, что под ренессансным гуманизмом понимается культурное движение, имевшее место в истории Европы в XIV–XVI столетиях. Участники этого движения – поэты, писатели, философы, представители других интеллектуальных занятий и профессий (ученые секретари, некоторые священники и монахи, юристы, учителя), а также разделявшие и развивавшие их идеи скульпторы, архитекторы, живописцы по-новому интересно и много рассуждали и писали об обществе, мире, его красоте, Боге – как Творце, человеку – как Его лучшему творению, с безграничными возможностями самосовершенствования. Они выработали основные представления, идеи, духовные ориентиры культуры Возрождения.

В художественной литературе, поэзии, критических и научных текстах, письмах, биографиях, автобиографиях, а также в разного рода общественных инициативах и действиях эти новые идеи заявили о себе устами и трудами итальянских писателей Петрарки и Боккаччо, т. е. с середины XIV в., в школьных педагогических теориях и практиках с его второй половины

(Джованни Конверсини да Равенна и Джованни Мальпагини да Равенна, Пьер Паоло Верджерио), в искусстве – вместе с художником Мазаччо в начале следующего, XV столетия.

Великими предшественниками и учителями Возрождения и гуманизма были гениальный поэт и мыслитель Данте, не менее значимый по масштабам таланта и свершениям художник Джотто, педагоги Донато Альбанцани и Пьетро да Мульо.

Возрождение и гуманизм традиционно делятся на этапы: ранний, время расцвета, поздний. Нижней границей Возрождения стала, как понятно, середина XIV столетия, верхней чаще всего называют середину XVI в. Иными словами, великая культура формировалась в течение долгого времени – два столетия! Ее наследие донныне остается в поле активного интереса и внимания не только ученых, но и равнодушных к культуре людей самых разных занятий, городов, стран, континентов, влияет на самые разнообразные творческие практики – художественные, литературные, театральные, музыкальные, образовательно-педагогические. Полному освоению не видно и не будет видно конца, ведь у каждого времени свои «вызовы», запросы и вопросы к великой культуре.

В центре внимания авторов данной книги находится первое столетие итальянского Возрождения и гуманизма, время примерно с середины XIV до середины XV в. В это столетие гуманисты объявили главным условием формирования нового человека воспитание и образование. Важнейшей идеей и главной надеждой на совершенствование всех сторон жизни был для них новый человек, воспитанный и выученный в возрожденческом духе: они горячо верили в безграничные личные и общественные силы и возможности такого человека.

Мы выходили и за рамки этого столетия – оглядывались для обрисовки главных путей движения нового и способов его взаимодействия с прежней традицией на век-два назад, заглядывали для обрисовки вклада педагогов и его восприятия в следующий век гуманизма, вторую половину XV – первую половину XVI столетия, вперед.

Источниковая база работы. Италия, ее гуманисты и педагоги, горожане и интеллектуалы, купцы и писатели, представители свободных профессий и ученые оставили удивительно богатое, захватывающее дух своей разносторонностью, наследие, которое и легло в основу данной книги. Назовем только главные материалы и авторов, указывая для ориентировки время их жизни. В составе письменных свидетельств – латинские тексты гуманиста и поэта Петрарки (1304–1374), итальянские – гуманиста и писателя Джованни Боккаччо (1313–1375), о школе и принципах педагогики, о том, чему учить и как учить – работы Конверсини да Равенна (1343–1408), Гуарино да Верона (1374–1360), Пьера Паоло Верджерио (1370–1444/1445), свидетельства о Витторино да Фельтре (1378–1446), удивительного человека, известного больше всего из воспоминаний его учеников, сочинения Веджо (1407–1458), гуманиста и архитектора Альберти (1404–1472) и др. Нам были также интересны учебные тексты поздней Античности и Средневековья, сочинения сторонников традиционно-религиозного образования и т. д.

Если приглядеться к датам и фамилиям, можно видеть, как щедро была эпоха на талантливых людей: в зрелые годы творчества Петрарки и Боккаччо начинает знакомиться с произведениями этих великих зачинателей Возрождения и гуманизма и думать о новом человеке Конверсини да Равенна; незадолго до ухода из жизни Петрарки и на считанные месяцы пережившего его Боккаччо появляется на свет Пьер Паоло Верджерио, автор одного из первых обстоятельных трудов по вопросам воспитания и образования, связанный своей судьбой больше всего с Падуйей, вскоре – Гуарино да Верона, бок о бок развиваются таланты Веджо и Альберти. Главным городом Ренессанса по праву считается Флоренция, но перед нами, наряду с флорентийцами, уроженцы и Фельтре, и Вероны, и других мест. Одни города они прославили своим рождением, другие (Мантую, Падую, Феррару и т. д.) своими делами и трудами. Дух новизны проникал в самые разные города и области.

Повседневная жизнь городов и их школ, семьи и детей, учителей и учеников представлена фрагментарно, однако живо, с примерами и поучениями, в многочисленных колорит-

ных сочинениях и письмах знаменитых хронистов и купцов-писателей того времени, флорентийцев: Дино Кампани, Франко Саккетти, Паоло Чертальядо, Франческо Датини, Джованни Морелли, Боннакорсо Питти и др. Все эти авторы были еще и деловыми людьми, успешными предпринимателями и купцами, политическими деятелями. Они и сами предстанут на страницах этой книги рядом с гуманистами – как ученики, как учителя, как отцы, авторы, современники. Флоренция вообще особенно богата сведениями о повседневной жизни и культуре, о занятиях горожан, жизни улицы, школах, писателях, художниках, постройках, ценах и т. д. Интересующие нас времена ярко отражены в одной из самых знаменитых хроник времени, созданной Джованни Виллани (ок.1274–1348), тоже купца и тоже писателя. Есть в этой хронике интересные сведения как раз о школе, учениках, учителях. Труд ее автора оборвала грозная «черная смерть» – чума – 1347 г., унесшая четверть населения городов Италии. Но и по дальнейшей флорентийской истории материалов немало.

В книге будут часто звучать разговоры наших авторов, их голоса: нам хотелось, чтобы читатель из первых уст принял свидетельства жизни эпохи, рассказы о людях, обычаях, круге чтения, ценностях образования и его назначении. Мы услышим также голоса простых горожан, которые рассуждают о семье и детях, заключают договора на их обучение, контракты на брак юных дочерей, пишут расписки и заполняют налоговые декларации, рассказывают то драматические, то веселые, анекдотические случаи из городской, а то и деревенской итальянской жизни, просят советов, дают оценки. Все эти авторы внесли свою лепту в создание картины флорентийской жизни, а также жизни Италии и соседних с ней стран, куда деловые заботы, жажда образования, дипломатические поручения, азарт путешественников и игроков приводили итальянцев.

Конечно, нам хотелось, чтобы читатели не только через текст знакомились со школьной жизнью времен Возрождения и традиционной школой прежней эпохи, Средневековья, но и могли представить себе учеников и учителей, учебники и предметы письма, города и классы-школы, да и в целом картину мира и общества. Мы встречаем их изображения и разного рода учебную атрибутику на миниатюрах, которыми украшались рукописные книги, статуях, зданиях, картах, предметах декоративно-прикладного искусства. Немалую часть этих художественных материалов мы видели и изучали в музеях, архивах, университетах, библиотеках во время поездок в Италию; что-то дали и прекрасные современные альбомы, и выкладки в Интернете.

Предлагаемая читателю книга вобрала в себя данные науки, опирается на обширную литературу об Италии, Возрождении, школах. Интерес к культуре Возрождения в Италии в нашей стране давний. Еще М.С. Корелин в XIX в. открыл русскому читателю богатую культуру Италии эпохи Возрождения. И в дальнейшем эта замечательная традиция была продолжена в трудах М.А. Гуковского, С.Д. Сказкина, В.И. Рутенбурга, их многочисленных учеников и учеников их учеников, авторов многих книг, статей, изданий источников, а также большого и не так давно завершившегося фундаментального национального проекта – энциклопедии «Культура Возрождения» (в трех книгах, 2007, 2011), представившего современный взгляд на многие вопросы и на вклад деятелей Возрождения и гуманизма в историю культуры.

Италия и италики на переходе к новой жизни: XIV–XV вв. Главными очагами культуры Возрождения стали города, главными творцами – деятели городского происхождения и занятий. Поэтому мы глубже поймем эту культуру, если познакомимся с особенностями городской жизни Италии.

Средневековая Италия получила в наследство от древнего мира много городов. Они в раннее Средневековье остались без большей части населения, разрушались, жизнь в них почти «затухла», но начала бурно «оживать» в XI–XII столетиях. К началу XIII в. в стране насчитывалось больше 300 крупных, средних и мелких городов. Во многих горожане сумели освободиться от власти синьоров, державших в своих руках территорию, право, полномочия от пап

или императоров. В городах установился коммунальный строй: полноправные граждане выбирали себе советы, принимавшие законы, и правительство, выполнявшее их. На средства, которые шли от налогов и штрафов, а также поступали от разных городских сообществ, строились правительственные здания (дворцы), работали инспекции, комиссии, суды, тюрьмы, набирались военные ополчения.

Очень скоро крупные коммуны стали предпринимать шаги, чтобы расширить территории, торговые пути, превратиться в города-государства, для чего начали поглощать, покупая за деньги или завоевывая оружием более мелкие городки. Наиболее мощные и развитые города-государства оказались в северной и средней частях страны. Генуя, история школ и образования которой найдет место в этой книге, контролировала большую часть Западного (Лигурийского) побережья полуострова, Флоренция стала мощным центром Тосканы. В нашей книге «присутствуют» Милан и миланцы, правители которых создали обширное государство в Ломбардии, на севере Италии. Его соперником, как и соперником Генуи, стала мощная Венеция, также фигурирующая на страницах книги. На юге Италии такую роль играл Неаполь, богатая и культурная столица целого королевства.

Сохраняли свои относительно небольшие, но хорошо укрепленные в военном отношении, государства и отдельные правители – например, властители мантуанские и феррарские. Все города использовали дипломатию, направляли посольства друг к другу и в страны заальпийской Европы. Как пишут исследователи, к середине XV в., времени активной деятельности наших гуманистов-педагогов, баланс сил между итальянскими городами-государствами достиг политического равновесия, что благоприятно сказалось на всех сторонах жизни. В том числе – культуры и образования. Мы погрузимся в повседневную школьную жизнь Флоренции, Генуи, Падуи, Мантуи, Лукки, Феррары, Вероны и других городов, которые известны интересными практиками и новыми школами.

Добавим только, что в течение всего интересующего нас периода главными политическими силами на полуострове были римские папы и германские императоры, которые с X в. стали верховными правителями многих областей страны, объединили Италию и Германию в единую Священную Римскую империю. И папы, и императоры много требовали с городов, но и могли что-то дать им в смысле привилегий, военной и политической защиты.

Городская индустрия. В итальянских городах главные социальные группы формировались вокруг шерстяной и позднее шелковой индустрии, т. е. производства и выделки очень красивых и прочных, качественных, тонких и более плотных, сукон и тонких тканей самых разных цветов. Постоянные войны и опасности делали востребованным оружие и военное снаряжение, быстро растущая торговля нуждалась в морских судах; с самого начала городу жизненно необходимы были специалисты по обработке металла, дерева, кож, обуви, каменщики, строители и, конечно же, производители предметов быта и продуктов питания. В каждом городе в своих маленьких заведениях трудилось немало пекарей и кондитеров; организовывали свое дело владельцы гостиниц и таверн, бакалейных лавок; огромную роль играл рынок, недаром многие главные площади носили название Торговая. Количество рынков росло; например, во Флоренции были Старый и Новый рынки, возникшие, судя по названиям, в разное время и действующие до сих пор.

Хронист Джованни Виллани сообщает, что к 1340-м годам XIV столетия во флорентийских шерстяных мастерских было занято 30 тыс. человек, т. е. каждый третий житель города, в том числе немало женщин и детей. Мастерские производили 80 тыс. «штук» (рулонов) сукна. В среднем на каждого жителя города приходилось по одному рулону. Конечно, купить его мог далеко не каждый, но все-таки приезжим бросалось в глаза, как красиво одеты жители города, особенно женщины. Сукно было такого отменного качества, что им торговали во всей Европе, поставляли королям, знати, богатым людям. Каждая десятая «штука» сукна, продаваемая на рынках разных стран, была сделана во Флоренции. Оттуда же везли и шелка, готовые облаче-

ния для духовных лиц, а также иконы, созданные ее талантливыми мастерами-живописцами; из Флоренции прибывали произведения пластических искусств (статуи, медали, рельефы), ювелирные изделия. Мастер-ювелир имел в год немалый доход в 1000 золотых флоринов (для сравнения: мастер-портной получал за изготовление свадебного платья 1 флорин, художник мог заработать на частных заказах (росписях) 1 флорин в день, т. е. около 200–250 в год, если вычесть праздники). Золотое кольцо с драгоценными камнями могло стоить до 40 золотых флоринов – годовой заработок банковского служащего. Конечно, служанка из купеческого дома могла купить его себе и за 2 флорина, спустив на покупку свое двухмесячное жалованье. Ювелиры выстроили свои мастерские на самом знаменитом мосту Флоренции – Понте Веккио (Старый Мост). Эти мастерские-лавки находятся там и сегодня, народ весь день течет по центральной части моста туда-сюда, с одного берега реки Арно на другой, мастера не скучают и, наверное, не жалуются на доходы.

В целом XIV–XV вв. деловые люди имели очень хороший доход, более высокий, чем давало сельское хозяйство. Ученые подсчитали, что прибыль составляла 17–18 % в год. Цифры доходов и расходов производители сукна тщательно фиксировали в своих хозяйственных книгах. Во Флоренции сукноделы организовали свою компанию – цех Шерстяников. Он стал богатейшей организацией, назывался «старшим» цехом. Кроме него, было еще шесть таких же объединений. Это давало огромные возможности и членам цеха, и городу. Цехи были, как сейчас определяют, юридическими лицами. Они имели собственное здание, а то и церковь, капеллу, герб, финансы, полицию, суд, самоуправление, служащих. Старшие цехи курировали постройки, ремонты, заказы для церквей, давая на все это деньги. Очень часто они занимались банковской деятельностью, торговлей.

Возникли и средние цехи – в них объединились мясники, трикотажники, мастера по металлам, плотники, каменщики, торговцы бельем, старьевщики. Не остались в стороне и более мелкие предприниматели, они создали девять своих, младших, цехов. Туда вошли торговцы лесом, слесари, изготовители инструментов, кирас и шпаг, дубильщики кож, виноторговцы, торговцы растительным маслом, сыром и солью, пекари и булочники, хозяева постоянных дворов. Само перечисление показывает, каким развитым было городское хозяйство и сколько разных ремесел и специальностей требовалось городу. По данным специалистов, около 500.

Свои задачи имелись у жителей морских, портовых городов. Венецианцы, генуэзцы, пизанцы активно вытесняли своих конкурентов из средиземноморской торговли. Они также объединялись в товарищества, старались уменьшить риски, связанные с потерей кораблей и товаров во время штормов или пиратских налетов. Они ввели морское страхование, весьма дорогостоящее, но шли на эти затраты, даже через кредиты, которые тоже начали широко использоваться. Если плавание проходило удачно, прибыль могла составить до 70 %, а порою и до 200–300 %.

Глава правительства – Большого совета – Венеции начала XV в. дож Томмазо Мочениго решил оставить согражданам отчет-завещание о времени своего пребывания у власти, включив туда интересные и показательные цифры: «Ежегодная прибыль горожан 4 млн дукатов. У нашего государства 3345 кораблей, 36 000 моряков, 6000 строителей кораблей. А еще 16 000 изготавливают ткани. Каждый год Венеция чеканит 1 200 000 дукатов¹». По этим данным мы можем судить, какие огромные богатства приносила морская торговля. Мы видим, что и традиционное для итальянских городов изготовление ткани (в Венеции это прежде всего шелка) было важной частью ее деловой жизни.

Эти сведения, как и все сказанное ранее, дают представление о том, какие сложные формы имела деловая жизнь. Она требовала документов, отчетов, подсчета прибыли и убытков и т. д. Выдавались долговые документы-обязательства, возникал безналичный расчет. Вырас-

¹ Дукат – золотая монета, примерно равная флорентийскому флорину.

тали, как сказано, банки, где купцы предпочитали хранить вклады, а вслед за ними и другие горожане по разным домашним причинам открывали счета. Самыми знаменитыми банкирами были сиенцы. Все крупные банкирские дома имели свои филиалы не только в итальянских городах, но и в других странах. Итальянцы чувствовали себя в таких городах в некотором смысле, как дома, имея возможность купить все, что отвечало привычным запросам и вкусам, обратиться в банки, без ущерба и опасности перевести деньги и пр. Дома банкиров до сих пор украшают улицы многих городов Италии, в первую очередь, Сиены, поражая своей добротностью и архитектурным совершенством. Словом, рождались современные формы деловых отношений и новые богатые люди.

О международном размахе деятельности тогдашних сиенцев и флорентийцев много сведений. Например, архитектор и представитель богатого делового флорентийского семейства Альберти пишет, что «по всему свету», во многих странах и городах есть представители их большой семьи. Он перечисляет все выше названные итальянские города, добавляя к ним немецкий Кёльн и столицу Франции – Париж. «Коммуникации», как часто говорят, и ныне не кажутся малыми, а для того времени они наверняка были ориентирами деловой активности и успешности. Вместе с практиками появлялись первые письменные руководства по банковскому делу, описания торговых путей и портов, словари с деловыми терминами на разных языках. Ясно, что без учения, образования, школ, учителей этим всем было не овладеть.

Конечно, так обстояло дело не только во Флоренции и Сиене. Из воинственного Милана везли мечи, копья, латы, снаряжение для военных лошадей. Особенно славились миланские шлемы, закрывавшие головы и плечи, с забралом и мягким внутренним капюшоном из кожи. Их цена могла доходить до годового заработка управителя в доме состоятельного купца. Но ведь это была и цена жизни в случае ранения в военном столкновении. Из торговой и связанной со странами Востока Венеции везли шелка, стекло; там можно было купить и раба, рабыню, хоть взрослых, хоть детей, примерно по цене одного-двух хороших колец. Из Лукки везли знаменитую парчу для пышных папских и кардинальских облачений, для парадных одежд королей и знати. Из таких тканей изготавливали не только одеяния, но и головные уборы – митры для священников. Митра стоила больших денег – от 80 до 280 золотых флоринов, в зависимости от числа нашитых на нее драгоценных камней и сложности вышивки.

Труд как ценность. Источником богатства и одной из главных ценностей становился труд. Деловая и торговая жизнь города требовала высокой репутации, качества товара, честности в ведении банковских расчетов, только это позволяло выстоять перед высокой конкуренцией. Паоло Чертальдо, купец и писатель, о котором мы подробнее скажем в первой главе, наставлял сына: «... ты должен постоянно находиться в состоянии упорного труда, исполняя старательно и в должное время все необходимое». Мы увидим, как не только в купеческих наставлениях, но и в школьных учебниках будет настойчиво провозглашаться важность постоянного труда и деловой честности. Вся продукция должна была быть самого высокого качества. Отсюда рождалось уважение к честному труду, обман преследовался. Производство дотошно контролировалось, некачественный товар уничтожался, возможность получить незаконную прибыль пресекалась. Честь и осмотрительность была особенно важна во всех денежных операциях. И труда они требовали тоже немало. Всеми этими и многими другими вопросами занимался приглашенный из другого города чиновник-подеста. Он считался более беспристрастным судьей, чем кто-то из местных. К тому же, он приглашался только на один год и каждый месяц делал отчет.

Итальянские горожане. Население городов в интересующую нас пору было, как и в современном мире, очень пестрым. Численно оно вырастало быстро, наиболее многочисленной в первой половине XIV в. стала Венеция – «жемчужина морей», «владычица морей», где обитало около 100 000 жителей, вслед за ней шла Флоренция, потом Милан и Генуя. Как и сейчас, большой приток шел из деревенской округи; в города также стремились люди с ремеслом в руках, торговцы и интеллектуалы. Наиболее почтенную часть города составляла аристократия

(«нобили» – благородные, знатные) из дворян, многие из которых исконно жили в городах. По данным Джованни Виллани, таковых во Флоренции насчитывалось примерно 1500 семей, т. е. около 5–6 тыс. человек. Они быстро теряли свое исключительное положение и привилегии, даже такое право, как посвящение в рыцари. Хроники полны рассказов о жалобах и недовольствах дворян их неравноправным положением, отстранением от управления городом-государством, штрафами, изгнаниями и т. д. Они были нужны городу как военная сила, защитники, но не вершители общественных и политических дел. Во Флоренции по суду могли даже понизить статус горожанина, записав его в дворянское «сословие». Впрочем, городские дворяне вскоре поняли, что делать: записывались в цехи, начинали заниматься городскими делами, меняли «гордые» фамилии на «простые». Таких знатных людей, сумевших сменить дворянский образ жизни на купеческий, можно встретить и среди героев «Декамерона». Об одном из них рассказчица отзывается с похвалой: «...некогда в Париже жил флорентийский дворянин. Обеднев, он порешил заняться торговлей, быстро пошел в гору и в недолгом времени сказочно разбогател». Правда, сына он все-таки не захотел пустить по торговой части и определил его на службу к французскому королю. Там отпрыск научился светскому обхождению и другим полезным вещам.

Ясно, что большую роль в городах играли предприниматели и торговцы, они же были политически самыми активными, участвовали в жизни городского правительства, разработке и принятии законов. Это были *новые люди*. Купеческая среда выдвигала наиболее энергичных и отважных героев, которые потом попадали в рассказы писателей. Купцы колесили по свету, им постоянно приходилось бороться с превратностями судьбы, они всегда были готовы проявить смекалку и находчивость. Наконец, они стремились с помощью разума восторжествовать над соперниками и противниками. Отец писателя Боккаччо, из литературных текстов которого в данной книге будет приводиться немало примеров, был купцом. Его братья тоже. Все они были деловыми «агентами», представителями богатого торгового дома Барди. Более 40 лет эти близкие родственники Боккаччо колесили по Франции, добирались до Неаполя, вели дела там, отправлялись во Флоренцию, вновь во Францию и т. д. Такие купцы могли торговать крупными партиями товаров. Например, один из героев новелл Боккаччо везет после одной ярмарки на другую «остаток» сукна на сумму в 500 флоринов золотом: это значит, что в начале поездки товаров могло быть вдвое, а то и втрое больше. Этот герой едва выпутывается из любовной истории, в которой красotka из Палермо выманивает у него все деньги, а планирует заполучить еще тысячу, две или три золотых флоринов. Но герой «включает» купеческую смекалку и возвращает все свои деньги, проучив даму должным образом. Подобную историю мог слышать и сам Боккаччо. Ведь в юности он попадает в Неаполь, начинает осваивать в университете профессию юриста, а параллельно принимать клиентов, вести торговые книги, учиться у купцов и крепко запоминать все, о чем они ему рассказывали. В своем «Декамероне» он в красках передаст не только упомянутую выше историю, но и много других. Его герои подтверждают своими приключениями, успехами и неудачами одно из купеческих правил: «Сколь ни мало предприятие, его нельзя начинать или заканчивать, коли нет трех условий: когда нет в тебе силы, знания и благожелательности». Нельзя не обратить внимания на роль знания, упомянутого наряду с силой и этическими качествами.

В рассказах о купцах часто повторяется, например, такая характеристика: «Было у него много имений, много денег и жена-красавица», это об одном из них, жившем в Римини. О купце из Флоренции еще более восторженный отзыв: «В нашем городе некогда проживал богатейший купец по имени Арригуччо Берлингьери. Как все купцы он много разъезжал». Это говорит о том, что слой новых предпринимателей в городах Италии был довольно велик.

Среди предпринимателей-купцов было много сильных личностей, с которыми правители старались находить общий язык, обласкивали их. Они возвращались из деловых поездок домой, обогащенные опытом и сокровищами, использовали то и другое для достижения поли-

тических целей, вкладывали деньги, как мы еще увидим, в произведения искусства, роскошные общественные и частные здания, храмы, монастыри. Описание роскошной жизни самых богатых из них похоже на сказку. В своих домах купцы принимали королей и пап с их свитами, устраивали большие празднества и собрания. Нередко их дворцы после смерти владельцев становились общественными зданиями, музеями, библиотеками. И остаются таковыми до сих пор.

«Новые люди» нередко – для пользы дела – стремились породниться с аристократами, перенимали некоторые обычаи знати вроде турниров или поединков, хотели стать рыцарями с гербами и золотыми шпорами. К ним постепенно начали обращаться только с добавлением титулов вроде «господин», «синьор», «мессер», «сер». Однако рассказчицы «Декамерона» воспринимали подобные привычки с иронией. Так, купец Арригуччо Берлингьери, о котором только что шла речь, по словам рассказчицы, «сделал глупость, которую и теперь ежедневно делают купцы: ему захотелось породниться с дворянами, и он выбрал себе неровню, девушку знатного происхождения». Девушка (жена) завела милого друга, и ее семья делает вид оскорбленных невинностей и самыми грязными словами ругают Арригуччо, который хотел вывести жену на чистую воду: шелудивый пес, скотина неблагодарная, купчишка из ослиного дерьма, такой сволочи видимо-невидимо понаехало к нам из деревень; ходят в домотканой одежде и т. д. Словом, семейство наговорило ему «столько грубостей, сколько ни один мерзавец за свою жизнь не слышал», и пригрозило расправой. Эта живая зарисовка показывает, как непросто «притирались» друг к другу дворяне и горожане. Мы видим также, что по мнению рассказчиц – простых горожанок – ведут себя неблагородно и непозволительно именно дворяне, у дочерей которых «приданого всего ничего», а спеси без меры.

Это жизнь и проблемы богатой группы горожан. Ремесленники и торговцы более мелкого ранга не хотели уступать им на политической арене и стремились закрепить свои права, добиваясь их включения в городские конституции. Они, как мы помним, объединялись в свои корпорации, которые, например, во Флоренции, назывались цехами – «младшими», «средними». От таких цехов выбирались представители в городской совет. В городах были многие десятки специальностей, представлявшие именно мелких и средних предпринимателей. Самые же богатые предприниматели и представители престижных профессий, приносивших достаточно высокие доходы, объединялись в «старшие» цехи.

Минимальными правами пользовались наемные работники, слуги, рабы, которых привозили для продажи из разных мест, Северной Африки, Турции, Греции, славянских областей, чаще всего их перепродавали на рынках портовой Венеции. Во Флоренции все знатные семьи (Адимари, Альберти, Кавальканти, Строцци и др.) имели большое число невольников. Состоятельные горожане (судьи, нотариусы, врачи, священники) от них мало отставали. У Петрарки есть диалог, участник которого имеет толпу слуг и рабов, и похвастается этим. В другом диалоге, напротив, мы слышим жалобы на леность и строптивость рабов, которые убегают из дома, злословят о хозяевах, обманывают их и т. д. Наемные работники составляли около четверти населения многих городов. Многие из них были связаны с сукноделием, грязными и тяжелыми операциями по подготовке шерсти к процессу изготовления из нее тканей, например, с ее мытьем и чесанием. Чесальщиков называли «чомпи». Работников, не имевших сколько-то стабильных и достаточных заработков, было, например, во Флоренции, около трети от всего населения. В силу своей бедности они были освобождены от уплаты всех городских налогов. В интересующий нас период времени такой работник получал примерно 1 флорин в месяц, квалифицированный строитель лишь вдвое больше.

Конечно, рабов и слуг было гораздо меньше. Их купля-продажа не означала возрождения древнеримского института рабства. Чаще всего они использовались как домашние слуги, но таковых хотели иметь многие состоятельные семьи. Покупали и детей, мальчиков, девочек – их посылали с мелкими поручениями, оставляли присматривать за малышами, нагружали

домашними работами. Дети стоили вдвое дешевле взрослых рабов. Дороже всех стоили молодые женщины-рабыни, которые хорошо знали хозяйство и были искусными поварами.

Главными политическими и военными соперниками городов оставались владельцы окрестных замков и земель, знать, старинные дворянские фамилии. И усилившиеся горожане – решением Большого совета – пошли на очень серьезный шаг: переселяли окрестных землевладельцев в города с тем, чтобы те находились под контролем городской власти. Так в городе разрасталась группа «своего» дворянства. Последние и в городах строили для себя замки, с высокими башнями, чтобы было можно отстреливаться из бойниц, или ставить на крыши осадные орудия, из которых метали вниз камни: они могли убить, серьезно ранить. Борьба переместилась внутрь городов, но шаг за шагом, как уже говорилось, переселившиеся в город нобили начинали сближаться там с «новыми людьми», вникать в торговые дела, вкладывать деньги в банки и т. д.

Характеризуя традиционную структуру общества, как она описывается во всех церковных проповедях («те, кто воюет»; «те, кто молится»; «те, кто трудится»), нельзя не сказать о «тех, кто молится», о духовенстве. Группе довольно многочисленной и в городах, прежде всего за счет монахов. Как правило, в большом городе был не один десяток церквей, не меньше и монастырей, мужских и женских. Отгороженный от улицы высокой каменной стеной, монастырь мог занимать квартал, имел единственные ворота, которые охранял строгий привратник. Приведем пример Флоренции. Виллани сообщает, что в его время, т. е. в середине XIV в., в городе было 57 церквей, 24 женских монастыря с их капеллами и церквями, 10 мужских. К ним нужно добавить пять аббатств – наиболее многочисленных и старинных монастырей, руководство которых подчинялось непосредственно папе или главному епископу большого округа. По данным специалистов, в итальянских городах священники и монахи составляли 3 % населения. Во Флоренции на каждые 30 горожан приходился один человек в рясе или сутане, т. е. монах или священник. Закрытость монастырей не мешала духовенству активно участвовать в повседневной жизни; монахи (францисканцы, доминиканцы) ходили по городским улицам, посещали дома прихожан, разделяя с ними как радостные, так и драматические моменты вроде праздников, крещений, венчаний, соборований, отпеваний и пр. Конечно, важную роль со времен принятия христианства и оформления его религиозных традиций играли исповедь и причастие. Это объясняет, почему в новеллах Боккаччо и Саккетти, да и не только у них, так часто фигурируют священники и монахи.

В заключение нашей краткой характеристики обратим внимание на еще один важный момент: в городах своего времени хронисты, купцы-писатели, гуманисты отмечают небывалое число образованных людей, правоведов, нотариусов, юристов, медиков, богословов, философов, профессоров университетов, магистров, студентов, учителей, секретарей разного рода, лиц свободного труда. Их постоянное общение и диспуты на всех перекрестках и площадях становились приметой времени. Они имели разные источники существования: преподавание, врачевание, консультирование, составление прошений и иной документации, выполнение заказов, разные судебские и адвокатские практики; находили и новые занятия, такие как торговля книгами, антиквариатом.

В средневековом городе в XI–XIII вв. основными «потребителями» труда таких интеллектуалов и специалистов были правители и судебные учреждения, римские папы и другие высшие священнослужители, канцеляриям которых приходилось рассылать много писем, распоряжений и документов. В числе наиболее востребованных профессий оказалась правоведческая. Наш Альберти приводит разговор отца и сына из его семьи. Отец, обращаясь с похвалами к своему сыну Адовардо, у которого за плечами было правоведческое образование, с гордостью констатирует: «Я вижу, что ты целый день пишешь, посылаешь слуг то в Брюгге, то в Барселону, то в Лондон, в Авиньон, на Родос, в Женеву и получаешь письма со всего света, так что тебе приходится вести переписку с бесчисленным множеством людей». Гордость

обоснованная: даже просто отправить в любой такой город письмо с нарочным стоило немалых денег, а чтобы это сделать при помощи собственных слуг, надо иметь приличные доходы. Значит, образование могло их обеспечить; но за ним стоял большой труд, усердие, заставлявшее работать целый день, упражнять и совершенствовать латинский язык, риторику, умение писать официальные послания, запросы и пр.

Образованные знатоки Библии и сочинений Отцов церкви нужны были для формулировки и отстаивания христианских догматов, официально принятых положений веры, в которых некоторые, так называемые еретики, сомневались. Их вызывали на специальный суд особые церковные служители – инквизиторы, которые при помощи ученых аргументов и доказательств должны были доказать «ложность» мнений еретиков. Папы учредили в городах особую должность инквизиторов, т. е. дознавателей, еще в начале XIII в.; ими чаще всего назначались образованные доминиканцы. В описываемый в нашей книге период инквизиция оставалась мощным и вездесущим учреждением.

В те времена лица такой профессии, как медики, обслуживали в основном элиту средневекового общества, тех же пап и их окружение, правителей, городских дворян и богачей. Но по мере развития городов и расцвета городского хозяйства в образованных людях начинали нуждаться самые широкие слои городского общества: предприниматели, торговцы, строители, представители многих рядовых городских профессий, от пекарей до изготовителей товаров повседневного спроса. Одной из востребованных и довольно «широкой» социальной группой стали врачи и учителя. Их хорошо знали. Часто приглашали домой, одних – лечить, других – учить. Визит доктора стоил 1 флорин, консультация медика-специалиста вдвое больше. Доктора сетовали, что крестьяне чаще оплачивают продуктами, чем деньгами.

* * *

Итальянские города развивались разными темпами, ориентировались на разные политические силы и имели различные институты политической власти. Флоренция, Генуя, Венеция и некоторые другие из названных выше городов были республиками, управлялись коллективно, избранными на время лицами. Другие города могли достаточно успешно набирать силу и при единовластном правителе. Власть в таких городах передавалась представителям той или иной старинной аристократической фамилии или семейства, достигшего знатности не столь давно. Так дело обстояло в Падуе, Мантуе, Ферраре, Милане и других городах. Их правители часто очень много делали для расцвета образования, культуры и художеств в своих малых городах-государствах. Бывало и так, что в отдельных городах власть захватывали предводители военных наемных отрядов, т. н. кондотьеры, которые утверждали там более или менее стабильный режим, защищали от притязаний соперничавших соседних городов-государств. Некоторые из них покровительствовали также художникам и писателям, украшали города новыми постройками.

30 лет назад ученый-историк В.И. Рутенбург начал свою книгу об итальянских городах с цитирования надписи на воротах одного из них, которая много веков приветствует входящих: «Шире, чем эти ворота, открывает тебе свое сердце Сиена». Точно так же история городов, их школ и образования шире раскроет нам культурные секреты итальянской нации, наработанные во времена Возрождения, поможет понять душу и ценности горожан.

Город был главным действующим лицом итальянской истории от раннего Средневековья до Возрождения, и подняли его до этой исключительной роли горожане. Пожалуй, в числе их главных «инструментов» можно назвать семейное и школьное образование.

Глава I

Традиционная школа: долгий путь от старого к новому

1.1. Город-государство: взаимодействие деловой жизни, повседневности, культуры

Историю итальянских городов и их школ мы поймем лучше и узнаем глубже, если будем иметь в виду один исключительный момент: литература, искусство, образование не меньше влияли на деловую и общественную жизнь города, чем последняя – на культуру. Немного останемся на этом моменте. В Италии в каждом быстро растущем и развивавшемся городе из разных потоков жизни постепенно формировалась особая культурная среда, возникал особый воздух – им дышалось иначе, он придавал силу, энергию, пробуждал интерес; свежий ветер перемен увлекал в свои потоки всех горожан, их семьи, соседей, друзей, взрослых, детей. Им, если это были настоящие граждане, хотелось созидать, строить, украшать, творить; для них было важно гордиться своим городом, своим государством, своими согражданами. Конечно, существовала и другая сторона: успешным на разных поприщах горожанам хотелось власти, влияния, первенства в делах, они рвались к этому мирными и немирными способами, создавали партии, устраивали заговоры. Прибегали к помощи внешних сил вроде императоров или пап. Но и такие граждане были вовсе не чужды ни образования, ни культуры, они знали, как показывают факты, цену тому и другому.

Римское прошлое для италиков. В благородном соперничестве граждане городов стремились догнать и превзойти Древний Рим, познав и поняв его во всей возможной полноте. И это прошлое отвечало им: древние римские архитекторы подсказывали в своих сочинениях, как строить мощные и выразительные общественные и частные здания, римские писатели и историки возвращали к великому прошлому, к началам, к могучему языку предков, высокому литературному наследию, римские риторы учили убедительно отстаивать свою позицию, а философы открывали тайны человеческой души и законы общественной жизни.

Многочисленные впечатляющие свидетельства римской старины – уцелевшие стены, цирки, термы, мосты, акведуки, мощеные или отлитые из бетона² широкие прямые дороги, арки, колонны, статуи, форумы, храмы, надписи рассказывали об этом прошлом не менее красноречиво, чем сохранившиеся тексты, они каждодневно восхищали глаз, обогащали чувства. Крестьяне в буквальном смысле выкапывали вещественные следы римской жизни на своих полях и виноградниках, натываясь на статуи и монеты, керамику и иные артефакты, монахи и ученые находили в своих библиотеках затерявшиеся за долгие времена Средневековья сочинения римских авторов, горожане «считывали» повседневную историю с развалин, древних камней и мраморов, которые обретали вторую жизнь в новых городских постройках.

² Т. н. римский бетон (*лат.* opus caementicium). Слово caementum означало «бутовый камень», «тесаный камень», а также каменные составляющие для заполнения полостей несущих стен. Состоял из смеси промытого песка и связующего компонента, с наполнителем из щебенки. – *Примеч. ред.*

Культурный взлет в Италии: Предвозрождение и культурный переворот Возрождения

Одним из первых знаков оживления городской жизни и материальных успехов горожан стал романский стиль в архитектуре и скульптуре. Романский – от названия «Roma» – так до сих пор называется столица Италии. Раньше всего он утвердился именно в итальянских городах. На его базе, в чем-то принципиально перерастая, отрицая, в чем-то развивая, вырастали потом готический и возрожденческий стили. Часто стили уживались, дополнялись от века к веку, придавая дополнительный колорит. Во Флоренции на пороге раннего Возрождения вырастает знаменитый Палаццо Веккио – Старый Дворец, вслед за ним всемирно известные соборы Санта Кроче – Святого Креста, Санта Мария дель Фьоре, уже упомянутая в предисловии, Дуомо – Дом Бога, как зовут свои главные соборы итальянцы. Там же неподалеку – еще один собор, посвященный Деве Марии – Санта Мария Новелла (Святая Дева Мария Новая), отстроенный доминиканцами на месте старой церкви.

Великий художник и архитектор Джотто (1266–1337) неутомимо трудился в нескольких городах – от севера до юга Италии. В Падуе он расписал капеллу купца Скровеньи, превратив ее в одно из чудес света. Во Флоренции построил высокую белую колокольню, до сих пор один из ее главных символов. На фресках в Ассизи художник воссоздал историю жизни и чудес Святого Франциска, призывавшего к святой бедности сына богатого купца, раздавшего свое имущество людям. В Неаполе он выполнил несколько заказов короля по украшению капелл и церквей. Джотто научил многие поколения итальянских горожан и художников воспринимать и любить правду жизни и красоту, суровое благородство своих героев и героинь.

В одно с Джотто время жил и творил поэт Данте (1265–1321), второй гигант Предвозрождения. Он родился во Флоренции, на год раньше художника, но треть жизни провел за пределами родного города как политический изгнанник, и был похоронен на чужбине, в Равенне, с почестями, но вдали от горячо любимого отечества.

Через 144 года Данте тоже попал в кафедральный собор города³. Его портрет (на большой и выразительной фреске, мимо которой невозможно пройти) написал художник Доменико ди Микелино. Поэт изображен на фоне родного города, которого после изгнания больше никогда не увидел, с поэмой «Божественная комедия» в руках. Он в алом плаще, что указывает на его правоведческое образование, лавровом венке, знаке признания великим поэтом, выглядит сосредоточенным, может быть, даже затаенно грустным. А там, за его спиной, Ад, Чистилище, иллюстрация к «Божественной комедии» и небеса Флоренции. Данте научил горожан любить великую литературу на итальянском языке. Его «Божественную комедию» многие, даже простые горожане, знали наизусть едва ли не целиком.

Эти две фигуры стояли на перепутье между старой и новой культурами. За ними как за учителями пошли десятки живописцев, поэтов, писателей, обогащая горожан все новой и прекрасной духовной пищей. Новые деятели, теперь уже Возрождения, отстаивали ценность земной жизни, учили ее любить, любить человека, родной город, страну, семью, стремиться знать больше и использовать это знание во благо себе и другим, искать славу от трудов и достойно исполнять свою миссию на земле. Конечно, не забывать, что все в мире – великое творение Бога, поставившего человека в центр Вселенной. Гуманисты отстаивали и всеми силами доказывали достоинство человека, считая его прирожденным, потенциальным свойством каждой личности, были уверены, что благородство *тоже суть* личное качество человека, которого нельзя получить по наследству, и понимали под ним многое, от чести до высокой образованности. А главное – они заговорили о человеке не на языке богословия и церкви, а на языке

³ Имеется в виду собор Санта Мария дель Фьоре. – *Примеч. ред.*

поэтов, философов, т. е. языке светском, мирском. В выработку этих новых представлений свой большой вклад внесли и гуманисты-педагоги.

Новые ценности: университеты

Италия и ее коммуны стали «застрельщиками» еще одного важного дела: здесь начиная с XI–XII вв. в самых больших и богатых городах стали возникать школы, а на базе наиболее известных из них – университеты. Ведь знания времен Античности не исчезли совсем в Италии в эпоху Средневековья, а с названного времени стали активно восстанавливаться. Ученые даже пишут о «Возрождении XII века», понимая под этим как раз интерес к наследию Античности, наукам, литературе. Уже тогда, если не столетием раньше, с первой половины XI в., школяры стекались изучать «свободные искусства», основы права и красноречия в разные итальянские города, Болонью, Равенну, Падую, Павию и т. д. А потом, в XIII в., уже сами города-коммуны стали создавать городские школы и даже университеты как важные центры образования. Так было в Падуе, где в XIV и XV вв. мы встретим будущих гуманистов-педагогов и создателей новой школы и новых теорий образования в качестве студентов. Самый известный пример – Болонья. Ее университет, как понятно из сказанного выше, возник одним из первых, вырос из школ, а город вырос благодаря университету за два века в крупный центр. Многие столетия, да и сейчас, по традиции, город называют «Болонья ученая». Знаменитые магистры покоятся в высоких мраморных саркофагах во дворах церквей, напоминая всем и каждому, что слава учености нетленна и благословенна.

«*Семь свободных искусств*». Важно сказать хотя бы несколько слов о том, как там было устроено обучение. В университетах сложилась система «младших» и «старших факультетов»; на младших факультетах осваивались «свободные искусства»: грамматика, а также риторика, диалектика (логика), арифметика, геометрия, астрономия и музыка; на старших – медицина, право и теология. Для их изучения требовалось приличное знание латинского языка. Само слово «искусство» по-латински – *ars (artis)* – ремесло, занятие, искусство, наука. Те, кто заканчивал факультет «свободных искусств», пополняли ряды учителей, связывали свою жизнь со школами.

Собственно, эти «искусства» на протяжении всего Средневековья и Возрождения преподавались в той или иной мере в школах как таковых. Их называли «свободными» еще в IV–V вв., когда римские авторы создавали учебники именно для школ. Такое название они получили по общественной причине: римское население состояло из свободных граждан и несвободных людей, рабов и полурабов, большая часть которых занималась «механическим» – ручным, физическим трудом. В римском обществе высоко ценилось образование, позволявшее проявлять себя свободным гражданам в военных, политических, общественных, юридических, научных, в том числе философских, литературных занятиях, т. е. заниматься умственным трудом. На это и была ориентирована энциклопедия «семи свободных искусств», которую изложил стихами и прозой в первой половине V в. Марциан Капелла, ученый, писатель. Энциклопедия вобрала в себя античную ученость в области этих наук, систематизировала тематику, предложила простое и понятное изложение.

Сочинение состоит из девяти книг, из которых первые две содержат романтический сюжет о любви Меркурия к прекрасной деве Филологии. Филология получает в подарок семь помощниц, каждая из которых воплощает одно из свободных искусств. Энциклопедическому описанию этих искусств и посвящены остальные семь книг. Приведем их вполне понятные латинские названия:

Liber I. <без заголовка>

Liber II. <без заголовка>

Liber III. De arte grammatica

Liber IV. De arte dialectica

Liber V. De rhetorica

Liber VI. De geometria

Liber VII. De arithmetica

Liber VIII. De astronomia

Liber IX. De harmonia

Энциклопедия обрела долгую жизнь, вплоть до эпохи Возрождения. Она оказалась даже в числе первопечатных книг, была опубликована в одной из итальянских типографий (1499). Название «предметов» тоже закрепилось в школах на долгие столетия.

О хорошей школьной подготовке говорит и тот факт, что во времена наших гуманистов-педагогов спрос на продолжение образования, на университеты был велик, они активно развивались во многих городах, всего в Италии за четыре века возникло 25 университетов, почти столько же, сколько во всех странах за Альпами вместе взятых. Болонья «кишела» студентами-школярами, их бывало несколько тысяч. Это нам еще раз подсказывает, что в городах должны были по-особому относиться к образованию и образованным людям.

Престижность образования и учености

О престижности образования свидетельствуют не только обращения-титуты. Обратимся к интересным фактам городской истории и рассказчикам-новеллистам. О том, как высоко ценилось хорошее образование, говорит яркий пример Флоренции: там судьи и нотариусы объединялись в сообщество, которое признавалось самым важным, так называемым «старшим» цехом. Он стоял выше очень богатых и влиятельных промышленников и торговцев сукнами, которые составляли второй «старший» цех. «Судьями» называли «докторов» права, где бы они ни служили. Слово «доктор» означало тогда, как и сейчас, что человек обладает большой ученостью. Нотариусы, или нотариии, служили в советах, судебных органах, могли выступать адвокатами и прокурорами, занимались частной практикой. Они писали речи, готовили буллы и иные постановления. Им платили довольно высокое жалованье. Даже внешне они отличались: носили отороченное беличьим мехом пунцовое одеяние и колпак-капюшон такого же цвета. Во времена Виллани, т. е. примерно в середине XIV в., нотариев во Флоренции было около 600. И это не удивительно. Еще в более ранние годы и при меньшей численности населения во Флоренции под началом только одного подеста, например, главы судебно-административного аппарата, имевшего «служебный» дворец, находились 82 человека, среди которых было 10 судей, и 24 нотариуса, т. е. почти половина персонала. Понятно, что о такой карьере мечтали многие молодые люди и их родители. Отец Петрарки, например, был успешным нотарием, общественным деятелем; о нем в связи с его профессиональной деятельностью упоминают хроники. Известно, что после изгнания из Флоренции он со своим образованием не пропал, нашел место в городе, где тогда пребывало римское папство, в Авиньоне, во Франции.

В XIV в. образованность становится одним из важных и престижных признаков «современного» человека, горожанина. И – горожанки из уважаемой, состоятельной, с традициями семьи. Именно из таких семерых молодых горожанок состоит у Боккаччо в его «Декамероне» круг рассказчиц новелл. Они веселые, остроумные, много читают, играют на разных инструментах, танцуют. Они знают и красиво рассказывают разные истории о королях разных стран и эпох, монахах, купцах, их женах и т. д. Их героини находчивые, нередко вполне образованные. Например, в одной из новелл некий купец из Генуи, хвастаясь добродетелями жены, утверждает, что она читает и пишет не хуже любого купца. Получается, что и свою образованность похвалил, и в жене отметил незаурядное достоинство такого же плана.

Не один раз с большим уважением отзывается в разных новеллах об ученых людях Саккетти, причисляя к ним и самого себя. Например, он писал, что как-то был в Генуе и находился

на Торговой площади в «большом кругу образованных людей» из разных городов. В Генуе, как мы знаем из документов, горожане очень стремились дать детям образование, наверное, и потому, что их родители поступили в свое время так же.

Через 40–50 лет после Саккетти знаменитый гуманист и современник гуманистов-педагогов второго поколения Леон Батиста Альберти напишет «Книги о семье». Альберти полагает, что отцы должны помочь детям выбрать такое «искусство», такую науку, такой образ жизни, чтобы он соответствовал репутации семьи, городскому обычаю, настоящему времени, существующим возможностям и ожиданиям горожан. Он настойчиво советует сыновьям использовать свои способности для усвоения многих полезных наук и искусств. Альберти много раз называет науки и искусства достойными, соглашается, что они требуют упорства, но всегда приносят плоды. Он подчеркивает, что сыновья не должны обмануть семейных ожиданий и надежд, а, значит, эти ожидания связаны с хорошей образованностью. Отметим и мы, что в эту эпоху и от невест, присматриваемых для сыновей, в семьях, как у Альберти, тоже ожидали образованности.

Вернемся к Саккетти. Он имел познания в географии, астрономии, литературе, языке, космографии. Он занимался в молодости торговой деятельностью, но имел также призвание к писательству, сочинял сонеты, подражая Петрарке, составлял проповеди, а в конце жизни написал знаменитые 300 новелл, собрав в своей книге смешные и анекдотические случаи с горожанами, в том числе генуэзцами. Каждый случай он сопровождал собственным комментарием.

Ученость становится и условием, важным для толкователей христианского вероучения. Об этом наш писатель говорит в одной из новелл, когда рассказывает, как некий магистр богословия, ученый с университетским знанием и дипломом, с блеском отстоял свои суждения перед лицом инквизитора. По городу распространилась молва о глубоких познаниях магистра, и флорентийцы попросили его прочесть проповедь, и не один раз. Саккетти не преминул похвалить его как «выдающегося» человека.

Еще один любопытный момент: в литературе того времени много свидетельств о персонах, которые изо всех сил стараются *считаться* учеными и образованными. Становится престижным и модным покупать книги. Это было дорогое удовольствие, одна книга могла стоить и 15 (рукописный требник-молитвенник с миниатюрами), и 20 (Вергилий), и гораздо больше золотых флоринов, что составляло двух-трехмесячное жалованье школьного учителя. Однако для богатых купцов книги служили показателем «престижного потребления», они ставили их в шкафы и, как с чувством говорит Петрарка, превращали их в пленников.

Место латинского языка. Одним из знаков «настоящей» образованности для того времени можно назвать латинский язык. Он не был в полном смысле «мертвым», только письменно-классическим. На латыни в соборах читали проповеди, велись занятия в школах, на этом языке, наконец, могли быть написаны разные вполне современные документы: новые законы, завещания, деловые письма и пр. Это так называемая средневековая латынь. В нее вкрапливались слова и понятия, которых древний мир не знал, возникшие позже в разнообразных практиках жизни. Но изучали латинский язык по древним, «правильным», учебникам, по римским авторам, поэтому читать классические латинские тексты могли многие горожане с хорошей школой, а тем более с университетом за плечами.

Саккетти не раз указывает на чтение горожанами древних римских авторов, в частности, Тита Ливия, автора истории древнего города Рима. Писатель, правда, не рассказывает, что более-менее полная версия труда этого историка появилась благодаря разысканиям и кропотливой работе гуманистов по вычитке текста, соединению разных его кусков в единое целое. В первую очередь это заслуга Петрарки, но мы не знаем, какую именно версию держал в руках герой новеллы. Важно, что держал! Итак, некий Каппо ди Боргезе Доминики, известный политический деятель Флоренции, возглавлявший несколько раз ее правительство, при чтении так

увлекся событиями, связанными с законами римского сената против роскоши, что несколько часов бушевал, стоя у окна, будто все происходило в его время. Он даже забыл, что нанял работников для ремонта какой-то части дома, и продолжал негодовать, когда они подошли к нему за расчетом. Наутро «пришел в себя», расплатился. Ну а те превратили историю в городской анекдот, интересный нам для указания на факт: флорентиец с интересом и живыми реакциями читает латинского автора, это в порядке вещей. А Саккетти, писатель, тем более не прочь при случае напомнить, что Рим был господином мира, и назвать имена Цезаря, Брута или Катона, Сципиона, Катилины, Югурты, Курия, карфагенянина Ганнибала, грека Александра Македонского, героя гомеровской поэмы «Илиада» Гектора, Трои, ее царя Приама, как самых доблестных людей, продемонстрировав таким образом свою образованность. Саккетти представляет читателю целый ряд не только римлян, но и греков. Среди римлян – и политические деятели, и полководцы, и доблестные граждане. Греческого (македонского) полководца и царя Александра Македонского знали многие, потому что в Средние века он превратился в героя поэм, доблестного рыцаря. И их запоем читали все грамотные дворяне и дворянки, да и горожане тоже. Конечно, в пересказах знали «Илиаду». Но наш писатель может позволить себе сравнить кого-то с греческим философом Платоном, рассуждая о глубине аргументов, или вспомнить о прозорливости философа Демокрита, выколовшего себе глаза, чтобы его мысли были более тонкими и не отвлекались на мелкие внешние события. Он – автор, достаточно информированный и в греческой культуре. Это означает, что не только римская, но и греческая литература, философия, наука становились все более интересными для горожан. Но к изучению греческого, к тому, чтобы читать тексты в оригинале, первыми потянутся гуманисты, опять-таки подтолкнут и общество, особенно гуманисты-педагоги в следующем веке.

Собственно, латинский язык в его разговорном варианте также оставался возможным средством общения: в одной из новелл рассказывается, как кардинал церкви одобрительно отзывается о правителе небольшого города, похлопывая его по плечу и произнося на латыни «Вот сын мой возлюбленный, который угодил мне». Вплетали в свою речь латинские фразы не только кардиналы. Уголотто дель Альби, сосед писателя Саккетти, худой, суховатый человек пожилого возраста, огорченный решением судьи об уплате большого штрафа из-за того, что вышел из дома с обнаженным мечом (он был дворянином), жаловался на это несчастье домашним «то по-латыни, то по-немецки».

В разговоре флорентийцы, например, тоже могли обронить ту или иную известную на латинском евангельскую фразу, вроде той, что Христос сказал апостолу Петру: «Ты – Петр⁴, и на сем камне...» Столь же свободно использует некоторые латинские фразы в другой новелле мальчик, которого священник застает на своем поле на смоковнице, где тот ел и собирал фиги. Священник нес мимо поля причастие для смертельно больного человека. Будучи «неверующим католиком», забыв, что несет тело Христово, он стал угрожать мальчику побоями, упоминая дьявола. Тот, не растерявшись, ответил с высокого дерева: «O Domine, вы несете тело Господне et ego vado in tentatione ficorum»⁵. Саккетти свободно включает такие фразы в свои новеллы с полной уверенностью, что их поймут и оценят юмор.

Грамотность в повседневной жизни города

Если обратиться к повседневной деловой жизни города, то свидетельств о большей или меньшей образованности горожан в новеллах не счесть. Часто речь идет о том, что горожане отправляют деловые письма, берут и дают разного рода расписки, заслушивают читае-

⁴ «Ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою» (Мф.16:18). Имя Петр, в переводе с древнегреческого языка означает «скала, камень» (греч. Πέτρος – камень). – *Примеч. ред.*

⁵ «О, Господин, вы несете тело Господне, а я вошел во искушение фиг».

мые в суде приказы и решения, ведут счета или просматривают их, а это тоже свидетельство грамотности, обычности подобных дел. Бумага, чернильница, перо становятся предметами повседневного обихода. Всякий купец-путешественник был обучен искусству коммерческой переписки, умению вести путевые заметки, из которых постепенно складывались «памятные книги», учебники-трактаты по торговле, экономике, обмену денег и т. д. Постепенно люди этой эпохи все больше проникаются пониманием, что знания нужны не только, чтобы уметь зарабатывать и использовать средства для предпринимательских дел, но и чтобы приобщаться к культуре. Начали появляться учебники «хороших манер», которые купцы с охотой покупали и несли в семьи. Поистине бесконечные письма пишут друг другу влюбленные молодые люди и девушки, передавая их тайно через слуг.

Отцы дают повзрослевшим детям деловые советы. Чертальядо рекомендует сыновьям носить в сумке, где хранятся деньги, тетрадь и записывать в нее все, что должен сделать. В своих наставлениях он заговаривает о тетрадях несколько раз. Например, советует записывать в какую-то тетрадь все действия у нотариуса, в том числе день, когда это происходит, имя нотариуса, составляющего бумагу, имена свидетелей и пр. Опять же ясно, что подобным советам довольно легко следовать. Более того, Чертальядо советует еще и изготовить копию такой тетради, и хранить ее в самом надежном месте. Альберти как раз во времена образования первых гуманистических школ рассказывает о целых домашних реестрах и книгах, которые ведутся в семье, и куда записываются все события. В том числе – день и год рождения ребенка. Из его рассуждений ясно, что эти записи ведутся на протяжении жизни нескольких поколений, составляют важную часть забот старших членов семьи. В «Книгах о семье» автор вспоминает о бытовавшей с давних пор в их семье поговорке, что руки купца всегда должны быть в чернилах. И один из участников диалогов, в форме которых написана книга, с удовольствием разъясняет, что в торговле, как и в любой профессии, где приходится иметь дело с множеством людей, необходимо записывать все сведения, все договоры, все траты и поступления извне, и потому часто все переписывать, т. е. не выпускать пера из рук.

Добавим еще одну замечательную примету времени: Альберти советует держать все записи – и свои, и своих предков – под замком, в кабинете, чтобы их никогда не могла найти и прочесть жена. Посмотрим и с другой стороны: перед нами свидетельство «укорененности» образования в таких семьях, как купцы Альберти, свидетельство грамотности женщин, и ограничения сферы их домашних «свобод», по крайней мере по части деловой и финансовой информации.

Итак, повторим, вести такие записи не просто не составляет никакого труда. Они становятся частью делового ритма жизни купца, помогают в делах. Об этом свидетельствует много советов, в том числе – каждый день подводить баланс. Записи, как показали исследования, чаще всего велись на итальянском языке, который, очевидно, осваивался с ранних лет.

Как о повседневных делах речь идет о свадебных контрактах, долговых расписках, налоговых списках, расчетных книгах, завещаниях, о возможности их изменить или отменить. Тема завещаний становится сюжетом новелл, высмеивающих алчность священников и их показную строгость в отношении христианских обычаев. Встречаются и просто забавные эпизоды: в одной из новелл жена просит мужа оставлять ей письменные напоминания о том, сколько соли положить в похлебку.

Отношение к невежеству. С другой стороны, этот же Саккетти рассказывает, как деревенские отцы посылали своих сыновей в город, не желая, чтобы они окончили свои дни в косности и невежестве. Он не раз повторяет мысль, что невежество, необразованность – это качества, которые могут выставить человека на посмешище, сделать «героем» злого городского анекдота. Немало смешных и критических новелл рассказывают, например, о плохо знающих латынь клириках, особенно мелких служителях церкви, которые без латинской учености, по протекции, добиваются для себя доходных мест. «Как невежествен был этот попик», – с осуж-

дением восклицает Саккетти по поводу одного из таких персонажей, который, затрудняясь ответить на вопрос папы Бонифация «Что есть кадилница», заданный на латыни, неверно понял жест своего благодетеля-кардинала, пытавшегося подсказать ему, и ответил развязно такое, что невозможно процитировать в данной книге. Папа, давясь смехом, махнул рукой, но в должности утвердил. Здесь ученость выступает условием *честного* назначения на должность, порицаются высшие церковные иерархи, которые допускают в свои ряды плохо подготовленных лиц. «В чьи только руки не попадает Господь наш», – сокрушается Саккетти. В другом тексте, в проповеди, Саккетти еще сильнее выражает свое отношение: он сетует и негодует, что на шесть священников приходится один, не знающий грамматики, необразованный и нескромный. Это, по мнению писателя, очень разочаровывает в церкви и вере «порядочных людей».

Нетрудно понять, что горожане вроде Саккетти вполне разделяли представления первых гуманистов, как говорилось, почитали их. Например, одной из популярных книг Петрарки было сочинение «О средствах против превратностей судьбы». Там ведут разговоры-диалоги аллегорические персонажи. Главный – Разум. Читатели, думается, не могли не восхищаться его ученостью и не соглашаться с его репликами-суждениями о невежестве.

Разум выказывает образованность удивительную: он почти непрерывно адресует к историческим примерам – от греческой и восточной древности до раннего Средневековья; он сыплет многими десятками, даже сотнями, имен – исторических, мифологических, литературных; он приводит суждения многих же десятков авторов от библейских праотцов, Аристотеля и Платона до отцов христианской церкви, а также римских философов и писателей; он обильно цитирует строки из исторических, естественнонаучных, этических, полемических сочинений, писем, поэм и стихов, остроумно пересказывает яркие случаи, свободно ориентируется не только в классической мифологии, но и в преданиях германской старины и текстах ранних «отцов» германской истории. Иными словами, перед читателями предстает персонаж-эрудит, наставник, философ, образованная личность.

Полной противоположностью, на первый взгляд, выглядят собеседники Разума. Это Радость, Надежда, Печаль, Страх. Кажется, что они-то могут стать объектами критики горожан. Радость произносит в разных разговорах лишь короткие фразы, часто повторяет себя, почти слово в слово. Примерно так же ведут себя другие персонажи, возможно, чуть «разговорчивее» время от времени становится Печаль. Они практически не называют имен авторов, не припоминают каких-то культурных или исторических фактов и т. д.

Однако при погружении в смыслы текста картина меняется, и это не могли не понимать горожане – читатели того времени. Радость нередко говорит от лица таких людей, которые не могут не быть хотя бы в «обычной» степени образованными. Среди них – римские папы, императоры, знатные синьоры, писатели, обладатели ученых званий и титулов, школьные учителя, музыканты.

Они часто обсуждают, что важнее, сила или знание. Разум доказывает, что силы физические со временем тают и потому не могут служить серьезным поводом для гордости собой. Среди свидетельств, которые позволяют судить об отношении собеседников к учености, есть и такие: «Ты, – говорит Разум, – думаю, будешь основывать свое суждение (о мудрости. – *Авт.*) на научных званиях, а их великое множество». Эта фраза из диалога «О мудрости» – незамысловатое, но любопытное свидетельство времени. Получается, что образование, ученость в глазах общества становится статусным признаком, встающим рядом с привычными для средневекового человека «знаками» вроде знатности, обладания властью, рыцарским достоинством.

Мы видим, что образование ставится выше владения домами и замками, выше имущества, богатства, золота, денег. Налицо новые ценностные ориентиры, образование рассматривается как непреходящее благо. При этом убедительные примеры черпаются из истории самого культурного народа, вскормившего европейскую цивилизацию. Петрарка называет образованных людей своего времени, хвалит их. Например, очень одобительно отзывается о правителе

города Парма Аццо ди Корреджо, своем друге с университетских лет. Петрарка хвалит его тяготение к людям образованным и «постоянное и непрестанное чтение и упоминание знаменитых писателей». Много примеров высокой образованности Петрарка находит в древности. Он не один раз напоминает, что принцепсы-императоры Август и Аврелий были самыми образованными представителями власти своего времени. С большим почтением поэт всегда говорит о высокой учености глубоко почитаемых ранних Отцов церкви – Иеронима, переводчика Библии, и Августина, автора знаменитого сочинения «О Граде божьем».

Наконец образованность диктует особый образ жизни. По словам Разума, в очередной раз цитирующего Цицерона, «для образованного человека жить значит мыслить» – *vivere est cogitare*. Такому образу жизни, равно как и манерам «великих людей и ученых мужей», похвально «подражать» при понимании, что подражание не должно быть слепым.

Для Петрарки-гуманиста базой такого образования, как показывают речи Разума, является римское наследие: латинский язык, само собой разумеется, довольно широкий круг поэтов и прозаиков, историков, философов, авторов естественнонаучных сочинений.

Еще отчетливее звучат такие речи во времена гуманистов-педагогов. Альберти полагает, что во всякой семье надо так воспитывать молодежь, чтобы с возрастом у нее прибавлялось знаний и учености. Он считает такое воспитание продолжением *старинного доброго* обычая.

Самое неожиданное – в пользу образованности высказываются во времена Альберти священники, например, знаменитый Доминичи. С этим хорошо известным монахом, важным лицом церкви – кардиналом – интересная история. Она приводит нас опять к семье Альберти и началу XV в. Молодой вдовой осталась Бартоломея дельи Альберти. Она попросила Доминичи дать подробные советы, как ей воспитывать сыновей. Тот откликнулся и написал большое, действительно подробное сочинение, к которому мы еще обратимся, но в данный момент – только в связи с взглядами Доминичи на образование. По его мнению, лучше всего воспитывать детей образованными и искусными. Он признает, что это трудно, но возможно, и они, получив хорошее образование и воспитание, обязательно попадут в рай. Конечно, у Доминичи свое, совсем не такое, как у Петрарки, представление о том, каким должно быть образование, что должны дети изучать, об этом пойдет речь в другом месте, сейчас важно увидеть одно: и для него образованный человек лучше, счастливее, чем богатый. Он повторяет эту фразу не один раз, добавляя, что образование принесет любые блага. Оно делает человека праведником, открывает дорогу к вечному блаженству души, утверждает Доминичи и осуждает невежество.

Место итальянского языка. В итальянской жизни, образовании, школе, университетах сошлись, как уже понятно, два языка: говорили все на разных диалектах итальянского, например, тосканском, венецианском, неаполитанском и др., читали и писали на тех же диалектах и на латинском. Мы еще будем разбираться, какой из языков и как изучался и использовался на разных этапах школьного обучения или в разных типах школ. Сейчас пока попытаемся понять, что нес с собой для культуры и образования формировавшийся литературный староитальянский язык. Здесь очень многое сделал Данте. Он даже написал специальное сочинение в защиту итальянского языка, доказал его красоту и силу в своей великой «Божественной комедии». Ее текст два с половиной века до изобретения книгопечатания переписывали по заказу, это стоило немалых денег. Выяснилось, что поэма была в домашних библиотеках не только богатейших знатных лиц, но и купцов, интеллектуалов, порою – и простых учителей. Боккаччо подарил собственноручно переписанный текст «Божественной комедии» своему старшему другу – Петрарке. Он сопроводил свой дар красивым стихотворным посланием на латинском языке, которое начинается строкой «Италии уже известен». Боккаччо же написал биографию Данте, прекрасный страстный текст, в котором утверждает, что Данте сделал для «народного» языка то же, что Гомер для греческого. Он заявляет о правильности выбора Данте в пользу этого языка для «Божественной комедии», потому что поэт приобщил к ней огромное число людей «необразованных», т. е. не умевших читать на латинском языке. В противном случае «Коме-

дия» осталась бы доступной только «небольшому числу сограждан». А теперь она служит не только мужчинам, но и женщинам, и даже детям.

Дети, конечно, могли слышать о Данте в семье, заучивать некоторые строки его поэмы. Поразительный случай-анекдот, и не один, произошел с самим Данте. Как-то он услышал, что кузнец напевает строки из его поэмы «Божественная комедия», правда, по-своему, то укорачивая их, то удлиняя. Это значит, что популярность поэмы была практически всенародной, ее пели уже как народное произведение, не зная автора. В другом месте Данте слышал, как поэму поет погонщик ослов и добавляет собственные реплики. Поэта узнавали на улице: одна синьора таинственным шепотом сказала подругам, глядя на проходившего мимо Данте, что он побывал в аду и поэтому такой темнокожий и курчавый – от пламени. В Равенне у его гробницы ставили свечи, как перед изображениями святого.

Боккаччо и его «Декамерон» были также популярны. «Декамерон», написанный, как скромно говорит автор, «народным флорентийским языком, слогом простым и незатейливым», читала вся Италия. Как выявили итальянские специалисты, среди сохранившихся до наших дней рукописей «Декамерона» XIV в. больше двух третей являются собственностью торговых династий. Во Флоренции ими владели все члены банкирского дома Барди и еще не менее десятка подобных домов, а также состоятельные семьи в Венеции, Сиене, Аретцо, Неаполе. На полях рукописей попадаются следы расчетов по ссудам, записи о залоге этих книг и т. д. Многие добровольно переписывали, как свидетельствуют пометки, «для себя, для родных и друзей». Значит, произведения этих прославленных писателей тотчас становились частью городской культуры, городской среды.

Городская семья: дети и взрослые

Тема школы непосредственно связана с темой семьи. Доступные нам источники и материалы позволяют представить общую картину – какой была итальянская городская семья, какую роль играли в ней родители и родственники, как растили детей, как рано они начинали соприкасаться с взрослым миром, как это сказывалось на их поведении.

В Средние века жизнь человека делили на шесть периодов: младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Первые четыре этапа, которые нас особо интересуют, завершались в 25 лет. После 60 люди считали себя совсем стариками. Дети рождались прямо в доме, не в больнице, помогали при родах опытные родственницы старшего поколения или повитухи, знающие родовспоможение. Саккетти много раз называет в своих новеллах число детей в той или иной семье: очень часто от 7 до 11 и больше. Другие писатели его времени называют цифры от 13 до 26 детей. Именно 26 детей было в семье одной из самых знаменитых итальянских святых, жившей во второй половине XIV в., Екатерины Сиенской. Она была младшей в семье состоятельного ремесленника-красильщика, объявила, что хочет стать «невестой Христовой», проводила дни и ночи в молитвах, беседовала только с монахами. Они рассказывали ей, что происходит в мире, она давала свои комментарии. Монахи писали под ее диктовку письма и ученые сочинения. Екатерина получала много посланий от самых важных деятелей церкви, читала сама, да и писала много, т. е. имела хорошее домашнее образование. Слог ее был настолько красив и правилен, что Екатерину считают одной из создательниц итальянского литературного языка, наряду с Данте и Петраркой.

В семье флорентийского купца Танальи было 13 детей, в семье знатной флорентийки Алессандры Строщи, имя которой получило большую известность из-за ее 73 писем, адресованных сыновьям, было 8 детей. С радостью рассказывает о своей большой семье Альберти, считая, что надо иметь «множество детей»; он предупреждал своих сыновей, что с детским возрастом сопряжено много болезней: и оспа, и краснуха, и корь, и несварение желудка, и все это рождает тревогу. Он советует быть предельно внимательным к детским недомоганиям,

мечтает, что его сыновья до 60 лет не узнают, что такое смерть детей и внуков, как посчастливилось правителю Сиракуз тирану Дионисию.

Очень многие дети из-за разных болезней или несчастных случаев умирали, не дожив до 8 лет. Флорентийский купец и владелец мастерской по изготовлению шелка Грегорио Дати, современник гуманистов-педагогов первой половины XV в., записал в своем дневнике даты смерти своих 14 детей, умерших во время эпидемии. Всего у него было 18 детей. При тяжелых эпидемиях вроде чумы, как подсчитали ученые, из 20 детей в среднем выживали только шесть. В новеллах Саккетти и Боккаччо есть немало историй о таких печальных событиях, а также о радости, если ребенка удавалось спасти. Например, ребенка мог утащить в лес и сожрать волк. Он мог выпасть из окна и разбиться насмерть, утонуть в реке, заблудиться в лесу и не найти дорогу домой. Не обошлось без драматических случаев, – к счастью, с хорошим концом, – и в реальной жизни наших героев. Так, когда Франческо Петрарка был совсем малышом, 7–8 месяцев от роду, его родители перебирались из одного места в другое. Малыша нес слуга, при переправе через реку лошадь вдруг понесло, и только неимоверными усилиями слуга смог спасти ребенка, едва не утонув сам. А в конце жизни, когда писатель стал дедом, на его глазах буквально сгорел от температуры трехлетний внук, что стало большим горем для всей семьи. А сколько утешительных писем он написал своим друзьям по поводу безвременной смерти их детей!

Вернемся к началу жизни ребенка.

Вскоре после рождения его крестили. Это было обязательным для всех христиан таинством. Младенца несли в церковь, погружали в воду (купель), произносили необходимые в церковных обрядах слова и действия. Тут же младенца нарекали. Очень часто мальчиков и девочек называли по именам святых, которые почитались в данном городе, были его покровителями. Альберти с гордостью перечисляет красивые и славные имена, которые бытовали в их семье: Диаманте, Альтобьянко, Кальчедонно, Керубино, Алессандро. Он добавляет, что славное имя словно бы обязывает всегда быть на высоте как прозвания, так и добродетели, а несуразное способно принизить достоинство. Он, кстати, добавляет, что важно записывать в домашних книгах час, день, месяц и год, а также место рождения. И рекомендует хранить эти записи как зеницу ока.

Доминичи советует родителям тщательно подготовиться к таинству крещения, думать не о красивых пеленках и шелках, не о праздничном обеде, а о Боге, добродетелях, воспитании ребенка в духе благочестия.

Когда ребенок подрастал, начинал понимать Евангелие, ходить в церковь, он проходил второй важный обряд – причащение. В городских семьях купцов и предпринимателей, дворян и знати очень заботились о воспитании детей. Для них на первом плане с малых лет оказывалось его здоровье, благочестие и послушание, умение хорошо вести себя за столом, в церкви, на людях. Перед едой маленькие дети, часто опершись на колени матери, сложив руки, читали молитвы, все остальные слушали и повторяли их. Это называлось благословение стола.

Все, что коснется этого стола,
Благословится именем Христа.

В правилах детей наставляли: «Чаще мой руки, обязательно – перед едой. Если вытащил кусочек пищи изо рта, не клади его в тарелку. Не плюй за столом, не спи за столом». Последнее нам подсказывает, что детей поднимали рано, они могли не всегда выспаться. Ведь вставали в шесть часов утра, по звону колокола. И умывшись, спешили на службу в церковь, а по возвращении завтракали.

До нас дошло много городских сочинений, авторы которых рассказывают, как именно следует воспитывать детей. Они показывают, что в семье царил суровый патриархат, власть

отца и мужа. Паоло Чертальдо, флорентийский торговец зерном, автор замечательной «Книги о добрых нравах», хорошо воспитанный своим отцом-нотарием, яркими красками нарисовал нам семью его времени. «Книга» была написана в 1360-е годы и состоит из 388 маленьких главков или, точнее, параграфов, как будто маленький семейный закон. Чертальдо излагает правила и дает советы – от деловых наставлений до благочестивых суждений о семье, браке, детях.

Много рассуждает он о важном умении с детства больше слушать и смотреть, чем говорить. Приведем его «купеческие» аргументы: «Наш Господь Бог дал человеку два глаза, два уха, две руки, и один рот исключительно для его блага. Во всех случаях поэтому следи за тем, чтобы два раза увидеть, два раза услышать, два раза коснуться, но один раз сказать, так как язык может сделать то, чего не сделает и нож. Остерегайся того, чтобы много и попусту не говорить, и не ошибешься». Он, кстати, добавляет по поводу еды: «После еды тоже вымой руки, рот и зубы, и всегда будешь чистым. Кроме того, это признак хорошего воспитания». Таким же признаком были субботние процедуры мытья волос и тела – в банях или дома. Героини «Декамерона» расчесывают свои волосы изящными гребнями из слоновой кости, которые привозили на продажу из Франции.

Авторы этой эпохи подробно пишут о наказаниях как важном условии хорошего воспитания. Так, Антонио Пуччи, поэт и изготовитель колоколов, рассуждает: «Когда ребенок шалит, наставляй его словами и розгами; после семи лет наказывай его кнутом и кожаным ремнем. Когда ему перевалит за пятнадцать лет, используй палку, бей его, пока не попросит прощения». Мы увидим, что такие порядки перешли из семей в школы, и только гуманисты-педагоги поднимут свой голос против подобного воспитания. На суровость отца сетует персонаж диалога Петрарки, который несколько раз заявляет, что отец у него суров, очень суров, невозможно суров, и это болезненно. На эти сетования ответ у главного героя диалогов по имени Разум один: суровость целительна, розги хороши, для сына суровость полезнее мягкости; нет на земле справедливее власти, чем власть отца. Дело сына – выказывать любовь, почтительность, терпение, покорность. Сын – полная собственность отца. А теперь послушаем отцов. В частном пространстве, т. е. в доме и семье, роль мужчины рисуется в других диалогах Петрарки, как у Чертальдо, в традиционном ключе, прежде всего как довольно сдержанного, в чем-то даже сурового, но мудрого отца семейства, ответственного за все происходящее. Это он добывает средства и распоряжается ими, поддерживает порядок в доме. Петрарка использует весь привычный арсенал примеров, чтобы убедить читателя и более всего – молодого, что суровость отца «часто бывает целительной для сына». Главная идея диалогов: сын не должен ничего худого говорить об отце, «почтительный сын по отношению к отцу проявляет только одно – послушание, смирение, покорность». Нетрудно увидеть, что добродетели сына вполне совмещаются с главными добродетелями христианина вообще.

Петрарке важны не только положительные, но и отрицательные примеры, поучающие «от противного». И здесь ему под руку не в первый раз попадается герой средневековых рыцарских романов Александр Македонский. Конечно, не как литературный персонаж, а как историческая личность. Петрарка-Разум очень резко говорит, что «самое отвратительное в Александре было то, что он пытался злословить об отце, уж не стоит вспоминать о его зависти к отцовской славе».

Тему поведения детей лет через 40–50 схожим образом развивает монах Доминичи: при ответах и рассказах пусть речь детей будет робкой и мягкой. Зовя отца, они должны почтительно говорить: «Мессер падре» и «Мадонна мадре», а не «папа» и «мама». Такая модель отношений усваивалась сыновьями, они повторяли в себе отцов, на которых в молодости жаловались.

Как и ныне, создание семьи начиналось с выбора невесты. Как правило, заботой городской семьи, в которой росла девочка, было не только обеспечить ей приданое, но и обучить домашним делам. Чертальдо высказывается на этот счет так: девочек следует учить шитью и

всем другим видам домашней работы: выпекать хлеб, ощипывать кур и петухов, просеивать муку и готовить, стирать, застилать постели, прясть, ткать кошельки, вышивать шелком, кроить полотняную или шерстяную одежду, штопать носки и иным подобным вещам, чтобы они, когда вы выдадите их замуж, не выглядели белоручками.

Чертальдо не считает лишним напомнить о Деве Марии. «Девочки и девушки должны следовать примеру Пресвятой Богородицы <...> Она не выходила из дома, не бродила всюду по городу, слушая и разглядывая мужчин и другие суетные искушения, но оставалась скрыта и заперта в уединенном и достойном месте».

Все, что касалось поведения девушки, тщательно разуживалось, считалось очень важным делом. От нее как невесты ждали и красоты, и ума, хотели, чтобы она была из хорошей семьи. Затем начиналось сватовство, подготовка брачной церемонии. Девушек выдавали обычно замуж в 12–14 лет, для мужчин лучшим считался возраст в 20–30 лет. Бывали и более юные невесты. В одной из новелл Боккаччо главный герой отдает в жены знатному молодому человеку одиннадцатилетнюю красавицу с большим приданым. Правда, в другой новелле родственники не очень торопились со свадьбой девушки, которой уже минуло 15 лет: она была первая красавица в городе, и красоте соответствовали скромность и добронравие. Наречь же женихом и невестой в расчете на будущее могли и в 8 лет. Именно столько было Джемме Донати, когда семья Данте договорилась о его женитьбе на ней. Самому Данте было тогда 12 лет. Бывало, что помолвку устраивали сразу после рождения детей.

Церковные служители присутствовали на всех этапах свадебной церемонии и освящали помолвку, заключение брачного договора, венчание. Священник при венчании встречал жениха и невесту у входа в церковь и провожал к главному месту – алтарю, где проводил красивый обряд. Считалось, что соединение жениха и невесты в одну семью совершается на небесах, и потому разводы церковью были запрещены.

Священник также скреплял важный документ – брачный договор, в котором обозначался размер приданого невесты. Его копили много лет, в итальянских городах даже возникли специальные «банки приданого», где за 10–12 лет вклад увеличивался. Например, если отец клал при рождении дочери 500 флоринов, к моменту свадьбы их бывало уже 750–800.

Средняя сумма этого приданого для «приличной» семьи – около 1000 флоринов. Мы располагаем очень интересными свидетельствами, связанными с хлопотами названной выше Алессандры Строцци. Ее муж довольно скоро покинул этот мир. На руках у вдовы остались пятеро малолетних детей, две дочки и три сына; когда они выросли, она озаботилась их семейным будущим. Сама монна Алессандра имела приданое в 1600 флоринов, замуж вышла в 16 лет. Подыскивая сыновьям невест, она обрисовывала в письмах их внешние данные, умения, возраст и размер приданого. Вот до нее дошли слухи, что у одной из невест (из той самой семьи купца Танальи, в которой было 13 детей, при этом 7 девочек), приданое составляет 1000 флоринов. Монна Алессандра с неудовольствием замечает, что это сумма для ремесленников. Ей гораздо больше нравится размер приданого у двух сестер из рода Адимари: за каждой давали по 1500 флоринов. Старший сын женился на одной из этих сестер с красивым именем Фьяметта и был счастлив в браке. (Увы, его жена умерла через несколько лет, и он женился вторично.) Другой сын Алессандры взял в качестве приданого 1400 флоринов.

Монна Алессандра еще и выдавала замуж дочерей. Приданое одной составляло 1000 флоринов (она «забыла», как критически отзывалась о подобном приданом, когда речь шла о невесте для сына), жених был сильно влюблен в красавицу-дочь, только платье и украшения, подаренные им невесте на свадьбу, стоило 400 флоринов. Вообще жених дарил невесте подарки, более или менее равные приданому. У супругов родилось затем 9 детей. С младшей дочерью пришлось хлопотать больше. В конце концов жених нашелся: ему было 46 лет, невесте 18. Сколько за ней дали приданого, мы не знаем. Эта чета имела пятерых детей, жилось им туговато.

Как видим, в данном случае мать создает семьи, «находит» невест женихам. В поисках женихов для дочерей ей помогают сыновья. Чертальядо не очень приветствует такое в отношении молодых людей, считает, что отец или мать не должны навязывать сыну свой выбор. Но другие в его время считали иначе. Новеллы и хроники наших авторов, а также наставительные сочинения, да и гуманистические тексты – Петрарки, Альберти – также немало рассказывают об этом.

В диалогах Петрарки обрисованная выше модель выглядит как вполне жизнеспособная на всех этапах истории семьи. По крайней мере в отношении к детям, в том числе повзрослевшим. Скажем, в диалоге «О супружестве детей» Радость и Разум с редкостным единодушием обсуждают тему замужества дочери. Кто ей диктует волю, ясно из реплик Радости: «Я выдал дочь замуж»; «Я отдал дочь мужу»; «Я дал дочери мужа». То же самое обнаруживается по отношению к сыну: «Я дал жену сыну», «Я нашел жену сыну».

Любовь, чувства, взаимная симпатия, личный выбор не попадают в сферу внимания и обсуждения участников данных диалогов. Правда, Радость выражает свое большое удовлетворение по поводу «статусного» характера браков дочери и сына, заявляя в цитированном выше диалоге, что нашел сыну «супругу высокородную, богатую и красивую», а дочери – блестящую партию.

Но в этих случаях согласие между собеседниками совершенно исчезает. Разум в ответ на заявление Радости о знатной невесте излагает целый ряд социально-поведенческих характеристик. Такая супруга – «надменная, дерзкая, ревнивая по отношению к мужу, строптивая по отношению к свекру». Здесь нетрудно рассмотреть привычное для Петрарки, ренессансного гуманиста, критическое отношение к знати, обобщение житейского опыта неравных браков, осуждение методов воспитания в дворянской семье. Его устами здесь говорит горожанин.

Чертальядо убежден, что только в семье, где между супругами существует взаимное уважение и доверие, можно воспитать хороших детей: им есть с кого брать пример.

Итальянские городские подростки на улице и среди взрослых

Во времена, о которых идет речь, городская улица была местом, где в буквальном смысле слова жили. На улице работали многие мастера, там же проводили в трудах дни кузнецы, сапожники, портные, брадобреи; менялы, разложив монеты на лавках, поджидали клиентов; занимались составлением разных бумаг нотариусы. Здесь же трудились писцы, костоправы, столяры, продавцы снадобий. Рядом с ними свободные от дел мужчины играли в разные игры вроде шахмат, камешков и очень азартных костей. Не меньше крутилось на улицах и мальчиков-подростков.

Сын горожанина-мастера лет с 9–10 либо учился ремеслу – либо у своего отца, либо, живя в чужом доме, у другого мастера. Он помогал по дому, прислуживал за столом, бегал с поручениями, но главное – усваивал все необходимое для будущей самостоятельной работы. То же самое происходило с детьми купцов и банкиров: хорошо нам знакомый писатель Боккаччо в 10 лет был отправлен отцом в Неаполь и там осваивал премудрости торгового и банковского дела. Как и юный Боккаччо, сыновья знатной флорентийки Алессандры Строцци – о ней тоже уже шла речь – по очереди были отправлены под опеку двоюродных братьев ее мужа в Неаполь и там овладевали делом, обучались долгие 20 лет, пока не вернулись во Флоренцию. Туда же в 13 лет отправился и их младший брат Маттео, чтобы дядя и старший брат смогли сотворить из него «что-нибудь дельное». Маттео больше не суждено было увидеться с матерью, через несколько лет он заболел лихорадкой и умер.

Многие мальчишки за сущие гроши служили у богатых мастеров на побегушках; тех, кто пограмотнее, привлекали к более ответственным работам и платили чуть больше жалования. Альберти пишет, что, например, во Флоренции все с малых лет думают, как заработать, все

разговоры сводятся к обсуждению дел хозяйственных, все стремления направлены на приобретение. Привычным было и пребывание мальчиков на улицах и площадях, их присутствие при разговорах взрослых. Порою они и сами, как говорит Боккаччо, болтали о взрослых делах, например, о партийных распрях между сторонниками папы и сторонниками императора.

Много подростков лет 12–14, а то и младше, предстают перед читателем на страницах новелл Саккетти. Как правило, они веселые, смелые, находчивые, готовые состязаться в остроумии, шутках и розыгрышах со взрослыми, нередко взрослых разыгрывавшие. Сами взрослые тоже большие любители пошутить или подшутить, иногда устраивают целые представления, втягивают в них полгорода, и потом все превращается в яркий городской анекдот. Один из самых знаменитых – новелла о Грассо, которого так мощно разыграли, что заставили поверить, что он это не он.

Факт участия в подобных шутках детей только усиливал интерес читателя или слушателя новелл. И не напрасно. Одна из новелл рассказывает об очень дерзком, но находчивом ответе мальчика-подростка лет четырнадцати некоему «мессеру Валоре». Подросток оказался по случаю на площади своего городка, где этот мессер Валоре «распространялся о чем-то в присутствии синьора и знатных лиц». Саккетти характеризует его как лукавого и дурного человека. Этому Валоре мальчик несколько раз адресовал смелые замечания, и тот в сердцах обронил, явно рассчитывая на поддержку присутствовавших: «Тот, кто в малые годы бывает умен, становится обыкновенно полоумным, когда вырастет». На что мальчик тотчас отреагировал: «В таком случае, синьор, вы должны были быть, ей-богу умным ребенком». Об этой истории стало известно во Флоренции, так она попала в новеллу Саккетти. Причем автор явно доволен подростком и его смелым участием в разговоре взрослых мужчин. Новелла была столь популярной, что ее позже включил в свой знаменитый сборник «Побасенок» гуманист Поджо Браччолини, переложив более кратко и изящно.

Другую шутку на одной из главных рыночных площадей Флоренции с почтенным и воспитанным дворянином по имени Маттео ди Кантино нечаянно сыграли несколько мальчишек, как говорит о них писатель, «служивших» у менял, т. е. бывших на побегушках. В руках у мальчишек была мышеловка с попавшей в нее мышью. Дверца открылась, мышь выбежала, заметалась, мальчишки пытались ее поймать. Мышь метнулась к Маттео и запрыгнула в расструги его штанов длиной только до колен. Мальчишки поняли это. Стали кричать, что мышь в штанах Маттео, заставили его спустить штаны. Мышь выпрыгнула, ее убили. А потом хохотом чуть не убили самого Маттео, который «несколько дней был словно мертвый», так как любой встречный-поперечный смеялся над ним. Бедолага отправился в церковь, дал обет никогда больше не носить короткие штаны. Вновь обращает на себя внимание поведение мальчишек. Они смело вторгаются в разговор взрослых, не испытывают никакого смущения в этой ситуации, напротив, чувствуют себя героями дня. А охочие до анекдотов флорентийцы отнюдь их не порицают.

Таковыми мальчиков могло делать раннее погружение в мир взрослых, о чем шла речь выше.

Другие моменты могли возникать во время игр детей. Все авторы упоминают об играх, которые происходили на улицах. Саккетти рассказывает забавный анекдот о том, как мальчики играли во Флоренции на одной из улиц в мяч или волчок. Улица была узкой, на скамье неподалеку играл с кем-то в шахматы известный флорентийский гражданин и поэт Гвидо Кавальканти, уже упомянутый нами на первых страницах книги. Какой-то мальчик несколько раз подбегал к скамье за мячом, в один момент его толкнул в попытке перехватить мяч другой игрок, и первый толкнул Гвидо. Тот в бешенстве соскочил со скамьи, ударил мальчика, после этого снова сел за игру. Мальчик сказал про себя «Я тебе обязательно отомщу», потихоньку подкрался со спины игрока, стал стучать камнем, будто выпрямляя гвоздь. Делал это так долго, что игроки перестали обращать на стук внимание, и мальчик крепко прибил большим гвоздем

край плаща Гвидо к скамье. Саккетти явно нравится шутка, он называет хитрость мальчика тонкой и вполне доволен, что ребенок посмеялся над столь известным человеком. И, кстати, попутно он выражает свое неодобрение тому, как поступил с мальчиком взрослый. Заметим попутно, что в гуманистические педагогические программы игра в мяч войдет как один из способов физического развития школьников. В новеллах мы читаем о том, что подростки нередко помогали взрослым в розыгрышах, что называется, не моргнув глазом. Словом, так или иначе, входили через улицу и свою раннюю трудовую жизнь в мир взрослых.

1.2. Школа, программы, учителя, ученики: старое и ростки нового

Истоки городского школьного образования. Знания, спрос на которые, как уже стало понятно, начал неуклонно возрастать примерно за три столетия до интересующей нас эпохи, с середины XI в., легче всего можно было найти в городах. Встает вопрос, что же это за «места», где детей, прежде всего мальчиков, можно было выучить.

Здесь нам придется немного отойти от городской жизни, чтобы найти истоки – самые ранние школы в Италии Средневековья. После падения Западной Римской империи в крупных городах – в Риме, Равенне, Милане, Вероне, Павии, Неаполе – сохранялись прежние школы. Там учились дети местной знати.

Германцы, завоевавшие всю территорию империи, не интересовались античной культурой, они готовили из своих детей воинов, даже их королям не особенно были нужны люди «из своих», знавшие латинскую грамматику, риторику. Им хватало образованных «местных» – выпускников тех самых немногих школ, которые становились секретарями, чиновниками, советниками. В этих же школах обучались будущие епископы и другие важные лица церкви.

Но вот церковь как раз нуждалась в образованных людях, которые могли бы читать Библию, выбирать из нее нужные места для проповедей, вести на латинском языке службы, объяснять мирянам истины веры. И тогда основатели монастырей, как правило очень образованные люди римского происхождения, записали в свои уставы важное «послушание» – переписывание книг и соби́рание рукописей. В таких монастырях начали обучать грамоте монахов, при них же возникали школы. В основном там учились будущие монахи. Среди их «послушаний» были не только молитвы по часам и физический труд в поле, на винограднике, оливковой плантации, в саду, на огороде или скотном дворе, но и переписывание церковных текстов. Для этого монах должен был хорошо понимать текст, в том числе важные рассуждения церковных авторов, Библию, т. е. знать латинский язык. Монахи с художественными талантами еще и украшали такие книги буквицами и миниатюрами. Рисунки сопровождали соответствующие тексты, то есть эти художники должны были хорошо понимать их. До нашего времени дошли манускрипты, созданные в таких монастырских мастерских-скрипториях. Чаще всего это Евангелия, подарочные экземпляры. Их изготавливали по заказам епископов или королей. Книги поражают красотой миниатюр, символикой, каллиграфией. Монахи очень боялись допустить ошибку, пропустить букву, потому что думали, что за это будут нести посмертное наказание.

Из таких рукописных книг в монастырях постепенно складывались библиотеки. Одним из самых ранних и знаменитых стал монастырь в Монтекассино, что примерно в 100 км от Рима. Он был основан в VI в., со временем превратился в центр учености и оставался им – в области богословских наук – несколько веков, почти до эпохи Возрождения. Школы для детей мирян возникали при крупных соборах, которые строились в тех городах, где еще шла какая-то жизнь. Они так и назывались – соборные или епископские, поскольку ответственность за них несли церковные иерархи, епископы.

В последующие века именно монастыри оставались главным местом, где можно было найти образованных людей, светские школы практически исчезли, однако все-таки существовали учебники – как позднего римского времени, так и более новые, написанные самими монахами, сохранялись и передавались также некоторые традиции преподавания. Так или иначе именно в раннее Средневековье возникли разного типа школы, которые потом будут открыты и в городах; правда, постепенно они уступят место новой школе. Оживление «школьной» жизни начинается, как и в целом в городской активности, в первой половине XI в.

Город и его школы

С этого времени в городах можно найти школы всех названных типов. В городах, как мы видели, было немало монастырей, при которых действовали небольшие школы. В них было чему учиться, если в семье горожанина, городского дворянина кто-то из мальчиков чувствовал в себе стремление отдать силы служению Богу, или того хотели его родители. А в женских монастырях учили девочек, чьи родители не могли обеспечить приданое. Конечно, там со времен раннего Средневековья учили латинскому языку, прежде всего, чтобы читать и понимать Священное Писание. По поручению папы Дамасия знаменитый Иероним (ок. 340–420), великий знаток тогдашних языков и истории, автор многих трудов на христианские темы, перевел с древнееврейского Ветхий Завет, а также уточнил и отредактировал латинский перевод Нового Завета с греческого. Его признали святым за подвиг перевода Священного Писания, а сам перевод использовали во всей Европе вплоть до XVIII в. Назвали его «Вульгата», т. е. текст на «народном» языке, которым в его время был именно латинский.

Латинская грамматика опиралась и на примеры из текстов светских авторов, т. е. на богатый и красивый язык великих римских ученых, писателей, поэтов, философов, ораторов.

Часто монастырь вырастал на краю города, он был обнесен стеной, как маленькая отдельная территория. За пределами этой стены монахи порою открывали свои «внешние» школы (*лат. extra muros* – за стенами), куда могли прийти все желающие. По уровню обучения это были начальные школы. Значительную часть программы там составляли церковные, христианские тексты; учиться нужно было усердно, и далеко не у каждого мальчика хватало сил. Школы при монастырях были бесплатными, но, возможно, где-то учителя и брали деньги. Правда, III Латеранский собор 1179 г. – съезд-совещание главных деятелей церкви для решения важных вопросов – постановил, чтобы в каждом церковном округе выделялись церковные доходы на содержание преподавателей, дабы те не брали платы с учеников. Но оставалась другая «беда» – далеко не все знания можно было приложить к повседневной деловой жизни города.

По мере развития городов и увеличения численности населения горожане строили свои *соборы*. При таких соборах довольно быстро возникали *свои*, соборные, школы, доступные для всех желающих; преподавали по большей части священники. Обучение в этих школах строилось на традиционных программах, схожих с монастырскими. Это была еще одна из возможностей, которой пользовались горожане не только в Средние века, но в эпоху Возрождения.

Обучение непосредственно в соборах само по себе воспитывало в детях большое чувство благочестия, которое поддерживалось и дома. Стенные фрески-росписи соборов, рельефы и скульптуры на порталах, фасадах и крышах церквей учили «читать по мрамору скорее, чем по книгам». Как пишет английский историк Г. Кенигсбергер, большинство духовных лиц и мирян получали удовольствие от мира образов, представленных в соборах, в котором присутствовали Христос и апостолы, святые и фантастические существа, ангелы и демоны, борющиеся за души в день Страшного суда, ученые и скромные труженики, ажурные цветы и листья, обвивающие колонны.

Городская жизнь, как мы уже знаем, настойчиво требовала грамотности от всех горожан, ведущих свое дело или торговлю, служивших в органах исполнительной власти города или судах. Это объясняет, почему ранние города-коммуны открывали собственные *общественные* школы, платили учителям из городской казны. Во времена Данте и Джотто, а затем Петрарки, Боккаччо и Саккетти публичных городских школ было в Италии уже немало. Хронист Виллани среди прочего приводит интересные данные о числе детей, которые ходили в разные школы во Флоренции. Его сведения относятся к 1338–1339 гг. Уже тогда город был большим, густонаселенным, Виллани пишет о 90 тыс. жителей. И в их числе, как он сообщает, очевидно, специально собрав данные или воспользовавшись какими-то городскими документами, «детей,

умеющих читать, было восемь – десять тысяч. Мальчиков, изучавших в шести школах устный и письменный цифровой счет, насчитывалось тысяча – тысяча двести. В четырех больших школах грамматику и логику изучали пятьсот пятьдесят – шестьсот детей». Виллани приводит также немало интересных конкретных деталей относительно того, какие школы были в городах Италии, и как обстояло дело с грамотностью.

Итак, дети школьного возраста, которые научились читать дома с родителями или в начальных школах (о таких школах мы еще поговорим), – это каждый десятый житель города. Мы не знаем точно, какую часть среди всех горожан составляли дети, но помним, что семьи могли быть весьма многодетными. Получается, что в среднем во Флоренции в каждой семье хоть кто-то из детей, а возможно, и не один, умел читать. Скорее всего умели читать также их родители или родственники. Если это так, перед нами удивительный для Средневековья пример новых запросов и потребностей, связанных с образованием. Хотя бы на начальном уровне оно стало необходимым каждому горожанину. По крайней мере для того, кто уже не первый год жил в городе, имел какую-то профессию или свое дело, стал полноправным гражданином коммуны, планировал шаг за шагом делать жизнь семьи более стабильной. Это со всей очевидностью следует из «Книг о семье» Альберти, т. е. типично для времени второго поколения гуманистов-педагогов, но во многом и для первых гуманистов и предшественников. И чем дальше, тем активнее стремились горожане любого имущественного статуса учить детей в школах. Об этом свидетельствуют, например, налоговые списки Флоренции конца XV в., в которых записаны и граждане, не имеющие доходов; тем не менее и они посылали детей в школы.

Виллани рассказывает, где можно было продолжить обучение, начатое или в элементарной школе, или с учителем, или в семье, во всяком случае – мальчикам. Он называет школу счета, куда, по его данным, попадал уже только каждый десятый из научившихся читать и писать. Речь идет о школах, называвшихся «абак» («счет»), или школа алгоритмов. Здесь важно еще раз отметить: коммуна организует школы, и не одну, а шесть, скорее всего по одной в каждой из шести частей города, на которые он был разделен правительством, заботится уже об общественном месте для обучения детей.

Но ведь и это еще не все возможности. Виллани говорит о других четырех «больших» школах, где 500–600 молодых флорентийцев-подростков или молодых людей изучали грамматику и логику. Нетрудно определить, что, как и в школах счета, в каждой из «грамматических» школ одновременно училось больше ста детей.

Из многих свидетельств того времени нам известно, что существовали также частные школы, и было распространено частное учительство в семье. Не только в век Петрарки и Боккаччо, но и во времена гуманистов-педагогов состоятельная семья, правители приглашали учителей к себе в дом, где дети получали не только дошкольное, но все остальное образование.

Итак, мы застаем в интересующее нас время школы трех-четырёх типов: общественные, или коммунальные; независимые, или частные; монастырские и соборные, или кафедральные.

Можно также выделить несколько *уровней* детского образования: семейное (дошкольное), как бы подготовительное, о котором мы пока еще не упоминали, первая ступень (начальное), вторая ступень, которая предполагала две «дороги»: это могла быть либо школа счета (абак), либо грамматическая школа. В частных школах эти ступени могли сочетаться.

В небольших городах имелись и другие варианты: например, начальные и грамматические школы были соединены, и учителя, начавшие обучать детей, продолжали им преподавать и в грамматической школе; в крупных городах, в той же Флоренции, как нам рассказал Виллани, школы были разделены. И не только там. В Милане, например, в конце XIII в. было 70 учителей начальных школ и 8 магистров грамматики. Само поименование «магистр» указывало, что учитель «прошел» университет и имеет ученое звание. Оно часто встречается в договорах с частными учителями. Иногда преподаванием, судя по договорам, занимались и

доктора наук, т. е. люди, проучившиеся не меньше 6–7 лет, сдавшие сложные специальные экзамены и получавшие лицензию, т. е. право на преподавание.

Школьная программа образования

Семь свободных искусств были стержнем средневекового образования. Как мы помним, они делились на тривиум («троепутье») и квадривиум («четверопутье»). Такое деление ввел философ и автор учебников Боэций, живший на рубеже V–VI вв., уже при германцах-остготах, завоевавших Италию. Кратко изложим, что под этим понималось и как толковалось в сочинениях ученых людей того времени. Это толкование не сильно менялось от века к веку, поэтому воспользуемся текстом, который составил не просто ученый, но практик, преподаватель в эпоху, положившую начало поступательному развитию культуры, на рубеже VIII–IX вв., его звали Рабан Мавр.

Итак, первое из свободных искусств – это грамматика, второе – риторика, третье – диалектика, четвертое – арифметика, пятое – геометрия, шестое – музыка, седьмое – астрономия. Первые три и есть тривиум, следующие четыре – квадривиум.

Начнем с *грамматики*. Ее назначение разъясняется так: грамматика есть наука толкования поэтов и историков и объяснение правильного письма и построения речи. Она есть начало и основа свободных искусств. Можно видеть, что в грамматику «входят» такие современные школьные предметы и науки, как литература и история; помимо того, изучение грамматики подразумевает обучение правильному письму (грамотности) и построению речи (синтаксису). Возможно, под построением речи понимались и элементы риторики.

Граматику торжественно называли «школой Господней». Учителям меньше всего хотелось, чтобы в этом предмете видели «бездушную битву со словами», но уважали в ней «науку правильного говорения и опыт писания». Авторитет грамматики объясняется и тем, что она помогает понять священные книги, например их тропы⁶. Ведь в Библии, сочинениях Отцов церкви много аллегорий, намеков, притч, т. е. коротких иносказательных рассказов.

Христианину важно знать и изучаемую в курсе грамматики метрику (стихотворные размеры). В Псалтири, Второзаконии, Книге пророка Исайи, а также Книгах Соломона и Иова встречаются самые разные размеры, и без их понимания невозможно красиво, правильно прочесть, по-настоящему глубоко понять эти тексты, проникнуться ими и их внутренней музыкальностью. Все названные составляющие мы увидим в учебниках грамматики, которые были в ходу на протяжении тысячи лет.

Риторика. О ней тоже идет интересное рассуждение с двух точек зрения – светской и церковной. Риторику с древности называли учением о хорошем изложении мыслей, например, в науках, государственных делах, речах, письмах. Это в обычной жизни. Но она нужна и в церкви. Ведь о чем бы проповедник, священник ни возвещал ясно и достойным образом, как бы связно и убедительно он ни говорил, все это он делает в соответствии с опытом в искусстве риторики. Так что риторика очень нужна, чтобы надлежащим образом подготовиться к донесению до прихожан слова Господня.

То, что именуется даром слова, или красноречием, – все это следует в подобающем возрасте изучать. Благодаря красноречию, с которым ведется повествование, человек, пока читает, проникается этими идеями; к этому добавляются также усердные упражнения в письменных и устных сочинениях.

Здесь мы ясно слышим голос учителя-монаха, священнослужителя. Он обращается главным образом к тем, кто готовит себя к служению церкви. В эпоху городов риторика очень пона-

⁶ Тропы – слова и выражения, которые употребляются в переносном значении для большей выразительности, образности и т. д.

добилась дипломатам, судьям, адвокатам, членам правительства, самим учителям. Конечно, она по-прежнему, если не больше, была нужна и священникам.

Диалектика. О ней все авторы говорят с большим уважением. Ее называют «наукой наук»: она учит учить, она учит учиться, в ней разум показывает себя. С помощью диалектики, как поясняют средневековые писатели, мы путем умозаключений познаем, кто мы такие и откуда мы; благодаря ей мы понимаем, что есть активное добро и что – пассивное; что есть творец и что – творение; через нее мы постигаем истину и отвергаем ложь.

С помощью этой науки мы тщательно исследуем любой вопрос и верно определяем, и разумно обсуждаем. Для освоения этой науки считались важными упражнения. Особо предостерегали авторы от ложных умозаключений, софизмов. Например, от такого: некто заявил своему собеседнику: «Чем я являюсь, ты не являешься». И тот согласился. Тогда говоривший добавил: «Но я человек». Когда слушающий подтвердил это, говорящий заключил: «Следовательно, ты человеком не являешься». Комментарий такой: первый был хитер, а второй простодушен. Из ложной посылки следует ложное умозаключение.

Можно видеть, что все три гуманитарные науки так или иначе связаны между собой, в том числе и через учебники, тексты. Риторика изучалась на примере латинских и библейских авторов, диалектика имела в основе учение Аристотеля, с которым тоже можно было познакомиться в латинских переводах.

Как же растолковываются «науки» квадривиума? Рассуждения начинаются с понятия «математика». Математикой средневековые авторы обобщенно называют все предметы квадривиума, считая, что их объединяет важный признак: это теоретические науки, которые изучают абстрактные величины. Затем по очереди объясняется, что же представляет собой каждый из названных «предметов».

Сначала общий тезис: *арифметика* есть наука чисел. Потом обязательно раскрывается, откуда, если следовать Библии, она «произошла»: Иосиф, ученейший еврейский муж, в девятой главе первой книги Древностей говорит, что сначала Авраам передал арифметику и астрономию египтянам; получив эти зерна знания, они, люди острейшего ума, взрастили у себя и другие науки. Даны и конкретные пояснения: любое число определяется собственными признаками, так что никакое из них не может быть равно какому-нибудь другому. Следовательно, они и не равны между собой и различны, и любые отдельные числа различны, и любые отдельные ограничены, и все неограниченны.

Есть и такие суждения: Бог создал свои творения за 6 дней, число 6 совершенно. Даже если бы этих творений не было, оно все равно было бы совершенно; если же оно не было бы совершенным, то они, в соответствии с ним, также не были бы совершенны. В Средние века было очень важно объяснить символически все «числа» Библии, этому уделялось большое внимание. Поэтому столь необходимым для понимания Священного Писания было изучение математики. Считалось, что при усердии можно изучить эту науку; а освоив, легче понять тайные числа в божественных книгах.

Как видим, обоснование важности арифметики проистекает из нужд чтения и понимания Библии. Практическая составляющая черпалась из учебников поздней Античности, как и в гуманитарном цикле. Здесь главным автором стал Боэций, которого называют «последним римлянином» и одновременно «отцом Средневековья». До нашего времени дошли два из четырех его трактатов по школьным дисциплинам: «Наставления к арифметике» и «Наставления к музыке».

Геометрия. Эту науку определяли как созерцательное описание форм. Тот же Рабан Мавр обращается к великолепному примеру: Священное Божество, т. е. Бог-Отец, является геометром, так как он придал своему творению разные облики и формы, он определяет священной силой бег звезд и заставляет все движущееся перемещаться по установленным линиям,

он утверждает в определенном положении все находящееся в покое. Ведь все, что правильно распределяется и располагается, может быть обязано этими качествами данной науке.

Затем Рабан Мавр переходит к «мирским» примерам из истории. Геометрия на латыни означает «измерение земли» и определяется следующим образом: геометрия – это наука неподвижной величины и форм. С помощью этой науки, как говорят, впервые были распределены владения в Египте, а учителя этой науки прежде назывались землемерами. Затем на основании исчисления фаз луны разделили годичный цикл, откуда возникло и само понятие месяцев, которыми измеряется год. После того принялись выяснять, на каком расстоянии от земли находится Луна, а от Луны – само Солнце, и каково расстояние до вершины неба. Потом, как сообщается, были приблизительно определены и размеры всей земли.

Так получилось, что и сама наука получила название «геометрия» – «измерение земли». Эта наука применяется при строительстве и походной палатки, и храма, когда используются линейные меры, круги, сферы, полусферы, квадраты и другие фигуры.

Музыка. Пожалуй, самое неожиданное для сегодняшнего дня определение было дано этой дисциплине. Средневековые авторы объясняют, что музыка – наука о прикладных числах, тех, что обретаются в звуках: как двойное, тройное, четверное, и тех, которые соответствующим образом воспроизводятся.

А дальше идет просто гимн этой науке: (1) с ее помощью мы не только читаем и поем в церкви, но и исполняем все богослужения по установленному обряду; (2) все, что мы произносим, или все, что движется внутри нас, в соответствии с пульсированием наших сосудов согласовано музыкальными ритмами с совершенством гармонии; (3) небо и земля и все, что на них происходит высшим соизволением, связано с музыкой; (4) она глубоко пронизывает и христианское вероучение; вот почему незнание законов музыки оставляет для нас в нем многое скрытым, тайным. Мы находим и число, и музыку, с почетом упоминаемые во многих местах Священного Писания.

Превосходный учебник по музыке создал Боэций. По нему учились и в Средневековье, и в эпоху Возрождения. Более того, студенты в Оксфорде учились даже в XVIII в. Перед нами, возможно, самый «долговечный» учебник в истории.

Астрономия. Этот предмет потребовал тоже больших комментариев. Слово, как поясняют авторы, означает «закон звезд», так как последние не могут ни существовать, ни двигаться иначе, как в том порядке, в котором их расположил Создатель, – кроме тех случаев, когда случайно, вследствие какого-то чуда, по Божественному суждению, они перемещаются. Так, например, мы читаем, что Иисус Навин приказал в Гаваоне солнцу остановиться (Библия, Иис. Н. 10).

Другими словами, астрономия это наука, которая (1) созерцает бег небесных светил, постигает пытливым разумом внешний облик планет самих по себе и в сравнении с землей; (2) изучает вращение небесного свода, восход, заход и движение небесных светил или почему они так называются.

Кратко обобщим, вслед за одним из современных авторов, суть наук-предметов. Грамматика являла собой основание познания, включала изучение алфавита (произношение и написание), частей речи, а также науку толкования содержания и форм литературных произведений. Диалектика (логика) содержала изложение системы категорий древнегреческого философа Аристотеля, давала наставления в искусстве построения доказательств, ведении диспута, сообщала сведения формально-логического характера. Риторика предполагала обучение словесности в ее практическом применении, искусству красноречия, составлению стихов и прозы, включала элементы права. Арифметика была наукой о числовых началах, лежащих в основе мира, пропорциях, определяющих мировую гармонию и все ее проявления, включала аллегорические толкования чисел и пропорций. Геометрия излагала, как правило, «Начала» Евклида, а также основы географии, иногда медицины, химии, минералогии. Музыка представляла собой

сложный теоретический предмет, не предполагавший реального музицирования. Она во многом сближалась с арифметикой, особенно в тех аспектах, которые касались интерпретации мировой гармонии. Астрономия давала представление о строении неба, часто не отграничивалась от астрологии. Изучение семи свободных искусств должно было подводить к восприятию высшей мудрости – философии, а в Средние века – теологии.

Семейно-«дошкольное» воспитание и начальное образование

О том, что начало обучению чтению и даже письму может быть положено в семье, в один голос свидетельствуют все материалы, относящиеся к характериз�уемому времени. Паоло Чертальдо советует научить читать сына, когда ему исполнится шесть или семь лет, а только затем отдать учиться в школу.

В семье, не в школе, хотя и вдали от Флоренции, получил начальные сведения о школьных науках будущий великий поэт Петрарка. Его отец, напомним, оказался политическим изгнанником после очередного переворота в городе и бежал к родственникам в город Ареццо⁷, независимый от Флоренции. Там их ждали дед и, что удивительно для времени, прадед. Как рассказывал потом его правнук, «в мире и согласии со всеми прожил он сто четыре года и умер, как и Платон, в день своего рождения, к тому же в той самой постели, в которой родился; я уже вышел из юношеского возраста, а еще жило множество людей, рассказывавших о нем всевозможные чудеса». (Умереть в канун дня своего рождения, повторив судьбу любимого «старого» деда, было суждено и Петрарке, только на жизнь судьба ему отпустила ровно 70 лет.)

История жизни Петрарки позволяет нам представить почти все варианты и этапы обучения его времени. Все началось с семейного обучения в Инчизе. Шесть лет жизни там стали для мальчика Франческо временем свободы, небольших путешествий с родственниками в окрестности городка, узнаванием природы – ее деревьев, трав, цветов. Все так крепко западало в память мальчика, что уже в 5–6 лет он с радостью слушал и заучивал строки стихов римских поэтов о природе, растениях, их свойствах. Таких стихов и даже больших интересных поэм было немало. Особенно много интересного рассказывал дед, которого юный Петрарка просто обожал.

В семье все любили Вергилия, римского поэта, автора многих исторических поэм и стихов, в том числе о путешествиях Энея, и охотно пересказывали или понемногу начинали читать и растолковывать великие страницы понятливому ребенку. Мы видим, что в семье занимаются с детьми и внуками мужчины, которым возраст уже не позволял отдавать свои силы другой деятельности.

С этих пор и до конца жизни одним из любимых произведений Франческо останутся «Буколики» Вергилия, где очень много важных тем – о том, что не должно быть войн и изгнаний, лучше всего всем людям жить в мире. Вергилий горячо и ярко рассказывал, какой справедливой и простой была жизнь древних римлян, как они любили свою родину. Поэма написана такими красивыми и берущими за душу строчками, что будущий великий поэт запомнил всю ее наизусть, и потом часто приводил любимые места в своих сочинениях, память ни разу его не подвела. Мы еще вернемся к Вергилию, когда будем знакомиться с тем, что читали и запоминали ученики, в том числе и наш Франческо, в школе, когда они начинали заниматься с учителями.

Он боготворил и мать, красавицу Элетту, тоже часто читавшую ему величавые латинские строфы. Потом она с любовью делала это и для другого сына, Герардо. До конца дней любовь к Вергилию разделял с Петраркой отец. В студенческие годы Франческо получил в подарок от

⁷ Там же, в Ареццо, 20 июля 1304 года, родился Петрарка. В 1305 г. мать с годовалым Франческо получает разрешение вернуться на территорию Флоренции, в Инчизу. Отец оставался в изгнании и мог навещать семью лишь тайно. – *Примеч. ред.*

отца кодекс с текстом поэмы Вергилия о сельских днях и трудах. Это была большая и красивая книга, выполненная на пергаменте. Позже Петрарка попросил лучшего итальянского художника тех лет Симоне Мартини нарисовать ему заставку на фронтисписе (первом листе): Вергилий изображен на лоне природы, вокруг деревья, овечки, травы. С этой книгой поэт не расставался, сделав ее поля местом для записей самых важных событий жизни. Книга сохранилась, ее можно увидеть в Амброзианской библиотеке Милана⁸.

Отцы старались не только преподносить замечательные подарки, но и выкраивать время для маленьких путешествий, прогулок. И это тоже было познание – природы, окрестностей. Петракколо⁹, отец Франческо и Герардо, тоже любил организовывать дальние прогулки, куда бы ни забрасывала его судьба. Однажды на юге Франции они с небольшой компанией отправились в небольшое путешествие к истокам реки Сорг, еще одного чуда природы, которое потом займет в жизни и «малых» путешествиях Франческо Петрарки важное место. Петрарка подробно и ярко вспоминал этот «поход» и эпизод своей школьной жизни в письме к Гвидо Сетте: «Ты помнишь, верно, как в то цветущее время, на заре нашей жизни, что провели мы в учении и удовольствиях, отец мой и твой дядя, бывшие тогда в нашем теперешнем возрасте, приехали по обыкновению в упомянутый мною городок Карпантра. А приехав, дядя твой тотчас был охвачен желанием, чему, я думаю, и слава, и близость содействовали, увидеть тот знаменитый источник вблизи Сорга, который, если дозволено перед столь близким другом похвастать, потом стихи мои еще более прославили. Тут и мы загорелись пылким ребяческим желанием отправиться туда же, а поскольку сочтено было небезопасным доверить нас лошадям, то к каждому из нас приставили слугу, дабы, сидя позади, и лошадей направлял он и нас. Так, умолив лучшую и самую любящую из матерей, мою по крови и общую по чувству, взволнованную и трепетавшую за нас, тронулись мы в путь под надзором мужа, чье имя ты носишь и к чьей учености и славе с лихвой прибавил собственную, и воспоминание о коем полнит мою душу радостью. Когда же прибыли мы к источнику, потрясенный удивительной красотой тех мест, погрузился я в детские свои мечтания и сказал себе так: “Вот место, природе моей наиболее соответственное, кое, ежели удастся, предпочту я великим городам!”».

В этом письме есть и некоторые интересные детали относительно путешествий с детьми. Так, например, мы видим, что они далеко не сразу допускались к самостоятельному управлению лошадьми, только при помощи слуг, обретая в малых путешествиях необходимые навыки и опыт. В таком путешествии, которое могло занять полный день, дети приобретали и навыки выносливости, которые потом служили им всю жизнь. Наконец, такие путешествия сближали, и Гвидо Сетте, ставший значительным церковным лицом, архиепископом Генуи, продолжал до конца дней крепко дружить с Петраркой.

Конечно, не все семьи были такими культурными, как у Петрарки. В домах других людей могли быть Библии, а также какие-то простые учебные книжки, или наглядные пособия, например, сосуды с написанным на их крышках вкруговую латинским алфавитом. На итальянских иконах XIV–XV вв. с изображением маленького Христа на коленях матери, Девы Марии, мы увидим, что малыш держит в руках дощечку с написанными на ней слогами, а его мать – раскрытую книгу, толщина и красный обрез которой не оставляют сомнения, что учебником служит Библия, по которой он и осваивает грамоту. Значит, в понятиях той эпохи обучение азам грамоты было делом, угодным Богу, помогало вырасти хорошим христианином и человеком.

Домашнее образование оставалось главным для девочек. В это время многие купцы-писатели полагали, что девочка должна хотя бы уметь читать, чтобы заучивать священные заповеди. Для девочек из знатных семей советовали нанимать учительниц, которые занима-

⁸ Старейшая общедоступная библиотека Италии (была открыта для публики в конце 1609 г.), вторая публичная библиотека Европы (после Бодлианской библиотеки, открывшейся в Оксфорде в 1602 г.). – *Примеч. ред.*

⁹ Петракколо, или Петракко (дель Инчиза) – прозвище отца поэта, флорентийского юриста Пьетро ди сер Паренцо. – *Примеч. ред.*

лись бы с ними чтением и элементарным письмом. Мы видим святые примеры таких занятий на иконах того времени.

Были составлены даже специальные книжки для девушек и женщин (на «народном» языке), они входили в приданое. Иногда девушки начинали учиться читать и писать после свадьбы, в доме мужа. Они учились писать письма мужу, читать простые тексты. В конце XIV – начале XV в. обучение девочек стало входить в норму в высших и средних кругах городского общества.

Можно найти много и более ранних примеров, в частности, Беатриче, прекрасная юная дама, безответная любовь Данте. Она получала от него сонеты в свою честь, которые позже вылились в рассказ о любви. И читала их. Значит, это не составляло для нее труда. Беатриче не успела прочесть «Божественной комедии», в которой Данте превратил ее в путеводительницу по Раю, – она умерла 25 лет от роду, когда поэмы не существовало даже в замысле. Именно смерть Беатриче сподвигла Данте на решение создать ей бессмертный литературный памятник. И он выполнил свое намерение, мечтая, конечно, что поэму будут читать. Он не ошибся. Ее читали и женщины, и мужчины, имели списки в своих домах. Тот же Чертальдо с благоговением называет имя Данте, а Саккетти, как мы уже убедились, рассказывает о нем несколько замечательных историй. Саккетти тоже читали женщины. Но для прочтения его новелл, как и для проникновения в великую поэму великого флорентийца, нужно было уметь читать и владеть книжной культурой. Нужно, чтобы стало престижно покупать дорогие книги, заказывать их копии. Иными словами, необходима была культурная среда и книгочеи, образованные люди. Следовательно, ко времени Саккетти она уже вполне сложилась. Не случайно Паоло Чертальдо, рассуждая о важности для любого человека поддержки со стороны разных людей, добавляет, что нужно быть благодарным за такую поддержку и стараться делать таким людям хорошие подарки, в числе которых называет «красивую книгу».

Начальное образование. Эта школа предназначалась для детей, не знавших латыни, постигавших ее азы с «нуля» до «классического» учебника латинского языка (грамматики), автором которого был знаменитый римский ученый Донат. Сама школа в Италии, как мы помним, долго оставалась в руках Церкви, только с XII в. рядом с духовенством в школах появляются и миряне. Например, во Флоренции в 1300 г. было 5 или 6 школьных учителей («докторов для обучения детей»). Их число росло, и лет через 15 они создали свою корпорацию, как было принято в городе. В нее входили преподаватели арифметики и грамматики.

В начальной школе также ориентировали учеников на освоение азов этих искусств, прежде всего латинского языка, а через него – самых простых элементов диалектики и риторики. Освоение шло устно-письменным методом. Главным материалом служила Псалтирь. Дети повторяли за учителем псалмы и постепенно заучивали их. Некоторые авторы пишут, что за годы учебы они выучивали 50 псалмов на латинском языке, примерно третью часть всей книги. Что же это была за книга? Псалтирь (от греч. Псалтирион – название струнного музыкального инструмента) это одна из книг той части Библии, которая носит название Ветхий Завет. Книга состоит из 150 хвалебных, молитвенных, покаянных песней или псалмов. Там есть и пророчества о Христе. Больше половины текстов написана древнееврейским царем Давидом, поэтому часто книга называется Псалтирью царя Давида. Он соединял пение псалмов с игрой на музыкальном инструменте. Его часто так и изображают на миниатюрах и иконах с инструментом в руках. О важности Псалтири свидетельствует тот факт, что из всех книг Ветхого Завета она дошла к нам в наибольшем количестве рукописных списков.

Иконописцы часто изображали членов Святого семейства с Библией в руках, в том числе – открытой на странице с каким-нибудь псалмом. Например, есть миниатюра как раз от интересующего нас времени, на которой Св. Анна учит чтению свою дочь, Марию (Деву Марию). Девочка лет 10–11, т. е. как раз возраста начальной школы, держит в руках открытую книгу,

Анна нежно обнимает дочь одной рукой, а другой показывает маленькой указкой на строки. Их можно прочесть, это 11 и 12 строка из 44 псалма Давида. Вот его текст.

1 Начальнику хора. На музыкальном орудии Шошан. Учение. Сынов Кореевых. Песнь любви.

2 Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой – трость скорописца.

3 Ты прекраснее сынов человеческих; благодать излилась из уст Твоих; посему благословил Тебя Бог на веки.

4 Препояши Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотой Твоею,

5 и в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела.

6 Остры стрелы Твои, [Сильный], – народы падут пред Тобою, – они – в сердце врагов Царя.

7 Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего.

8 Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих.

9 Все одежды Твои, как смирна и алой и касия; из чертогов слоновой кости увеселяют Тебя.

10 Дочери царей между почетными у Тебя; стала царица одесную Тебя в Офирском золоте.

11 Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего.

12 и возжелает Царь красоты твоей; ибо Он Господь твой, и ты поклонись Ему.

13 и дочь Тира с дарами, и богатейшие из народа будут умолять лице Твое.

14 Вся слава дочери Царя внутри; одежда ее шита золотом;

15 в испещренной одежде ведется она к Царю; за нею ведутся к Тебе девы, подруги ее,

16 приводятся с весельем и ликованьем, входят в чертог Царя.

17 Вместо отцов Твоих, будут сыновья Твои; Ты поставишь их князьями по всей земле.

18 Сделаю имя Твое памятным в род и род; посему народы будут славить Тебя во веки и веки.

11 и 12 строки – это предсказание о Деве Марии, обращение к ней, как будущей матери Христа, основателя новой религии, и дальше о тех переменах, которые произойдут. Девочки, как и изображенная Мария, заучивали псалмы дома. Они, их родители повторяли псалмы за церковным хором и священником в соборе, куда ходили часто, возможно, почти ежедневно. Это могли делать и их братья, так что в школе им было легче, если они уже знали некоторые псалмы.

Заученные в детстве тексты-песнопения оставались в памяти и сердце на всю жизнь. Например, Петрарка пишет, что он каждую ночь вставал для чтения псалмов, и это были лучшие часы, питавшие душу. Он советовал так делать и своим друзьям, вообще всем. Конечно же, монах-доминиканец Доминичи в своих наставлениях настойчиво рекомендует читать псалмы и беседовать о них с детьми, а домашним учителям начинать с Псалтири; а лучше, не дожидаясь учителя, делать это самим родителям.

Параллельно в начальной школе ученики приступали к изучению и запоминанию букв с голоса, далее запоминали вид букв, после чего начинали учиться читать строки псалмов по слогам (буквенно-слоговой метод). Опять же и здесь дети использовали некоторые навыки, полученные дома в занятиях с родственниками.

Такому начальному освоению латинского языка способствовали маленькие тексты, написанные в форме диалогов. Часто они использовались в кафедральных школах, но не только

в них. Один из таких текстов приводится в современной итальянской работе, исследующей повседневную жизнь средневекового города. Приведем диалог. Он идет между учителем (магистром) и учеником.

М. (магистр). Ты ученик?

У. (ученик). Да, я ученик.

М. Кто есть ученик?

У. Это тот, кто с усердием познает добродетель.

М. Где ты находишься, ученик?

У. Здесь и везде, во всех достойных местах.

М. А какие есть достойные места?

У. Их четыре: церковь, школа, родительский дом и пир мудрецов.

М. Почему ты ученик?

У. Потому что часто хожу в школу и учусь читать.

М. Сколько дел у ученика?

У. Шесть.

М. Каковы они?

У. Встать утром, быстро одеться, затем причесаться, вымыть руки, помолиться Богу и с охотой идти в школу.

М. Кто тебя сотворил?

У. Бог из ничего.

М. Кто тебя произвел на свет?

У. Моя мать.

М. И каким ты сотворен?

У. Голым и в первородном грехе.

В этом чудесном по простодушию диалоге представлена детская «картина мира», какой она была в Средние века. Мы слышим не только Псалтирь, но книгу Бытия, рассказ о творении, встречаем идею Творца. И отмечаем ценностные ориентиры: церковь – на первом месте; школа на втором, т. е. в иерархии выше дома; родительский дом. Пир мудрецов, если понимать как метафору, это собрание мудрых наставников, обсуждающих вопросы нравственности и благочестия.

Письму учили при помощи особых деревянных «тетрадей» – покрытых воском дощечек, на которых дети по воску выводили тонкими оструганными палочками буквы и слоги. На других дощечках – «наглядных пособиях» – были изображены буквы алфавита и знаки сокращения. Дети могли смотреть на их изображения и упражняться. В ходу тогда были не очень понятные нам сокращения, до распространения в Европе бумаги они широко применялись в рукописных книгах. Для изготовления этих книг долго использовали пергамент, тонкую-тонкую кожу ягнят, выделанную как страница. Он был дорогим материалом, на пергаментных листах старались поместить как можно больше текста, порой даже не разбивая строчку на слова и применяя постоянно сокращения. Дети должны были понимать их при чтении и уметь использовать при письме. Если монах в скриптории при переписывании ошибался, он брал в руки тоненький острый скребок и осторожно соскабливал неправильную букву, потом вписывал на ее место нужную.

«Чернила» делали из натуральных компонентов, они хорошо впитывались в пергамент и практически не выцветали со временем. Главное в составе «обычных» чернил – дубовые орешки (они же чернильные орешки или галлы) – шарообразные наросты на нижней поверхности дубовых листьев, производимые личинками орехотворки. Для приготовления чернил дубовые орешки мелко дробили, смешивали с водой, настаивали, полученный раствор проце-

живали, подогревали, а после остывания добавляли в него в некоторых количествах минеральные и растительные порошки – купорос и акациевую камедь. Чернила было выгодней покупать густыми или даже сухими, а затем разводить и разливать по специальным чернильницам. Чернильницы выдували из стекла или делали из глины – пузатенькими, с узким горлышком. Обычно их носили на поясе в кошельке, как и перья для письма.

Очевидно, и вощенные дощечки, и чернильницы стоили недешево: монах Доминичи считает, что они могут быть вознаграждением детям за усердие, и те будут радоваться таким подаркам не меньше, чем, например, новым красивым башмакам. Книги и принадлежности для письма покупали в лавках, которые быстро появлялись во всех городах, где были школы и университеты. Они приносили стабильный доход.

Среди самых знаменитых учебников надо назвать латинскую грамматику Доната, автора, о котором мы уже упоминали. Учителя начальных школ, если и не давали его материал ученикам в системе, сами учились именно по Донату, отсюда черпали примеры и правила грамматики.

В начальной школе скорее всего мог быть в ходу не сам учебник, а его сокращенное и более простое изложение в форме диалогов, сделанное в VIII в. (Donatus minor). Эта книга состояла из восьми частей и получила столь широкое признание и распространение, что впоследствии учебники грамматики стали называть просто «донаты». Донат сопровождал обучение латинскому языку на всех ступенях школы и даже в университетах. Значит, грамматика являлась одновременно и наукой, и начальным знанием, в одинаковой степени ее продолжали осваивать и 15–20-летний студент, и 10-летний мальчик. Многие из тех, кто в интересующее нас время «учился по Донату», очень уважительно отзывались об учебнике и его авторе.

На начальной стадии обучения, овладев грамматикой и запасом латинских слов, дети могли читать еще «Дистихи Катона» – сборник нравственных изречений, приписываемый римскому государственному деятелю Катону Старшему, но, возможно, созданный ближе к концу раннего Средневековья. Римский политический деятель и писатель Катон Старший жил во второй половине III – первой половине II в. до н.э., являл собой образец гражданина и пример высоконравственной личности. О нем часто вспоминает гуманист Петрарка в своих диалогах, восхищаясь, например, тем, что тот с равным успехом занимался и литературой, и оружием, всеми видами военной, городской и сельской деятельности. Он считает Катона мудрецом, восхищается его неприхотливостью, принципиальностью, доблестью, любовью к людям и многими другими качествами. А для Альберти Катон был еще и примером хорошего отца: он рассказывает в своей книге, как тот в течение дня прерывал свои важные государственные или частные занятия и возвращался домой, чтобы посмотреть на своих маленьких детей и порадоваться их лепету и смеху. На этот «учебник» – сразу после Псалтири – указывает Доминичи как на надежный текст, «правильно» ориентирующий учеников в нравственном отношении.

Судя по содержанию, «Дистихи» могли изучаться как в начальной школе, так и позже. Ученики не только воспринимали наставления, сформулированные в легкой для запоминания стихотворной форме, но и учились по ним грамматике, осваивали стилистические нормы письменной речи.

Двустиишия разделены на несколько книг, к ним со временем добавлялись одностиишия, так что объем текста был значительным. Темы двустииший самые разные – от почитания Бога до поведения в семье, школе, среди друзей. Приведем два-три примера.

Первое двустиишие первой книги прямо перекликается с Псалтирью:

Ежели Бог есть дух, как об этом гласят песнопенья,
Должен от чистой души ты Ему воздавать почитанье.

Второе призывает быть деятельным и энергичным:

Бодрственно жизнь проводи, чуждайся сонливости праздной,
Слишком долгий покой в человеке питает пороки.

Подобные правила считали очень верными купцы-писатели, придерживались их в семье, так что городскому мальчику они были вполне понятны.

Еще одно двустипшие, скорее всего, с особым чувством произносилось учителем, было в числе его любимых:

Вверх учению ум: никогда не поздно учиться.
Жизнь без наук нельзя не назвать подобием смерти.

В учебнике есть и одностишия, похожие на крылатые фразы, афоризмы. Например:

Правду смелей говори, хоть порой и неласкова правда.

Словом, «Дистихи Катона» помогали ученику строить отношения с людьми, лучше приспособляться к жизни, сохранять чувство собственного достоинства, быть честным, добрым и правдивым. Детей очень хвалили, если они хорошо запомнили стихи и изречения. Эти умения могли пригодиться как в письме, так и при разговоре; таким образом закладывались маленькие кирпичики в освоение риторики.

Иными словами, начальное образование готовило к дальнейшим школьным дорогам, которые, как мы видели, могли идти параллельно. Прежде всего, к освоению программы «семи свободных искусств», элементы которых осваивались на занятиях. Для детей 6–10 лет главным и одновременно трудным «уроком» оставалась латинская грамматика, но овладение ею столь сильно облегчало дальнейшую школьную и университетскую жизнь, что и учителя, и родители прилагали все усилия, чтобы дело шло успешно.

Обратим еще раз внимание на возраст учеников начальной школы. До нашего времени дошел один важный налоговый документ конца XV в., написанный гусиным пером и чернилами. В нем указаны глава и все члены каждой флорентийской семьи, их возраст, род занятий, а также размер семейного капитала, ее доход и сумма налога; в документе содержится информация и о посещении детьми школы. Как свидетельствует этот кадастр, дети начинали обучаться рано. В документе названы 5 четырехлетних детей, 23 – пятилетних и 41 – шестилетний ребенок, все они, за исключением одного шестилетнего, отданного в школу счета, учились в начальных школах. Но точный возраст нигде не оговаривается, чаще всего в школу отдавали именно в 6–7 лет. Приведем несколько примеров, связанных со знаменитыми людьми. Данте скорее всего пошел в начальную школу как раз в таком возрасте, в 6 или 7 лет и оставался в ней примерно лет до 12. Будущий поэт учился чтению, письму, счету и началам составления нотариальных документов. Школа, в которую ходил Данте, была платной и включала в себя, как понятно из перечисления, некоторые элементы второй ступени. Родители-горожане очень хотели, чтобы дети получили как можно больше знаний за годы учебы, в том числе и особенно по части практических навыков.

Местом для занятий могла быть одна из комнат в доме учителя или какое-то арендуемое им помещение. Начинали дети учиться 29 сентября, заканчивали год по-разному. Учебный день продолжался несколько часов.

Итак, к 11–12 годам мальчики могли завершить свое начальное обучение, и вставал вопрос, куда же двигаться дальше. Многие родители отдавали детей в школы счета.

Школа счета (абак)

Виллани приводит данные, которые показывают, что в такие школы отправлялся каждый десятый из научившихся читать и писать. Речь идет о школах, называвшихся, повторим, «абак» («счет»), или школы алгоритмов. Абак – это счетная доска, которая с римских времен использовалась в торговой практике. Она позволяла «откладывать» при помощи особых костяшек, нанизанных на стерженьки, десятки, сотни, тысячи, перекидывать с одного ряда на другой целые числа и пр.

Эти школы появляются в XIII в., прежде всего в городах Тосканы. В школах абака преподавали на «народном» языке (так предполагают исследователи) арифметику. Уроки имели практический характер и отвечали потребностям торгового хозяйства; эта арифметика отличалась от «созерцательной» арифметики раннего Средневековья, бывшей скорее более теоретической. Школы укоренились, постепенно стали появляться специальные учебники. Такие учебники начали печататься уже в конце XV в., как только в Италии получило распространение изобретенное в Германии книгопечатание. Одним из первых вышел учебник по практической арифметике «Абако де Тревизо», вторая часть названия которого говорит о том, что он имел применение в школах города Тревизо, соседа Венеции. В предисловии книги можно прочесть, что учебник написан по просьбе юношей, которые хотят заниматься торговлей. Из любви к ним и для пользы дела автор излагает основы арифметики, называемой в просторечии «абак».

О научном уровне школ абака ученые спорят. Одни считают, что эти школы, используя римские цифры и способы счета, продолжали средневековые традиции, что точность подсчетов и ведения записей в них выглядит устаревшей. Другие находят, что в таких школах как раз и происходило согласование научных теорий и практики счета, т. е. теоретической и торговой арифметики. Скорее всего, преподавание в школе счета шло на итальянском языке, и учили главному для городской практической и деловой жизни – умению считать, определять и специальным образом записывать доходы и расходы, вести деловые документы. Для этого преподавались не только основы счета, но и геометрия, алгебра, бухгалтерия, в частности, начисление и погашение процентов на проценты.

Возможно, некоторые преподаватели использовали на своих занятиях «Книгу абака», написанную Леонардо Фибоначчи еще в начале XIII в. Он привнес в эту дисциплину – благодаря отцу-купцу, торговавшему с арабами и бравшему его в свои поездки, – арабскую арифметику вместе с арабскими (в действительности индийскими по происхождению) цифрами, систему счисления, арабские задачи. Эти знания постепенно проникали в школы, однако не так быстро. В записках купцов и хронистов не только XIII в., но и XIV, XV вв., мы встречаем именно римские цифры. Например, купец и путешественник Дино Компаньи рассказывает о городах – соседях Флоренции так: «Пиза отстоит от Флоренции на XL миль¹⁰, Лукка – на XL миль, Пистойя – на XX миль, Болонья – на LVIII миль. Напишем арабскими цифрами: XL – 40; XX – 20; LVIII – 58. Нетрудно подсчитать, что флорентийским студентам надо было одолеть до университета в Болонье около 90 км, это два дня пути верхом на хорошей лошади. Альберти в своей «Книге о семье» так указывает лучший для женитьбы возраст: от XXV–XXVII до XXX лет (от 25–27 до 30 лет).

В обозначении хронологии, веков, римские цифры принято использовать до сих пор, эта традиция соблюдается и в данной книге.

Установлению связей между чистой и прикладной наукой способствовал крупнейший математик XV в. Лука Пачоли (1445–1515). Он родился в г. Сан Сеполькро в пополанской

¹⁰ 1 миля равна 1,7 км.

семье¹¹, учился в мастерской художника и математика Пьеро делла Франческа. В молодые годы Пачоли был воспитателем трех сыновей богатого купца в Венеции. К 1470 г. относится не дошедший до наших дней его учебник коммерческой арифметики, написанный для воспитанников. Перебравшись в Рим, Пачоли познакомился с Л.Б. Альберти, сильно повлиявшим на его взгляды. Вступив в орден францисканцев, он продолжал заниматься наукой и преподавать, получил профессию в университете Перуджи и читал там лекции по геометрии и алгебре. Фундаментальная работа Пачоли «Сумма арифметики, геометрии, учения о пропорциях и отношениях» (1494) написана на староитальянском языке и представляет собой энциклопедический свод знаний по математике; она содержит также отдел, состоящий из нескольких трактатов о применении математики в коммерческих делах. Вторая большая работа, 1509 г., – «Божественная пропорция», – тоже на итальянском, посвящена теории перспективы, геометрии, архитектуры. Иллюстрации к этой работе сделал сам Леонардо да Винчи, с которым Пачоли познакомился и подружился в Милане.

Школы абака появились в разных городах Италии и прежде всего, как уже говорилось, в Тоскане. А вот в Генуе такие школы появились позже. Здесь начальное образование распространялось в школах «грамматики для купцов», где учили не только читать и писать, но и составлять документы, деловые письма; там преподавали также арифметику и счет. Но с усложнением торговой техники сама республика позаботилась об открытии школ абака, и из Тосканы были приглашены нужные учителя.

¹¹ Пополаны (от итал. popolo – народ) – торговые и ремесленные слои городов Северной и Центральной Италии в XII–XIV вв., объединенные в цехи. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.